
ФИНАЛ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМЫ МИРА

В последние годы в ряде стран Восточной Европы и даже на пространстве СНГ и в самой России обозначилась тенденция к искажению роли и значения действий Вооруженных сил СССР в Европе и Азии в годы Второй мировой войны. Делаются попытки увязать последствия ошибочной политики ряда коммунистических лидеров, пришедших к власти в освобожденных Красной армией странах, с самим фактом прихода в них советских войск. В этой ситуации следует вновь сказать об изначально благородных, гуманных целях вступления Вооруженных сил СССР в оккупированные армиями государств фашистско-милитаристского блока страны, напомнить о том, что, жертвуя многими десятками тысяч жизней своих воинов, Советский Союз нес угнетенным народам мир и свободу. Несправедливо возлагать на СССР вину за то, что некоторые государства пошли недемократическим путем, хотя бы потому, что в таких странах, как Австрия, Норвегия, в освобождении которых Советский Союз сыграл не последнюю роль, народы смогли выбрать свой вариант развития.

Вынеся на своих плечах главную тяжесть войны с фашистской Германией и ее союзниками, среди которых была и Япония, и сыграв решающую роль в достижении победы, советский народ заплатил за нее дорогую цену — свыше 26,6 млн погибших, большинство из которых было мирным населением. Война против Японии принесла новые дополнительные жертвы, на которые и без того самоотверженно шла наша страна для достижения окончательной победы во Второй мировой войне в целом, освобождения от угрозы нацистско-милитаристского порабощения как советского, так и многих других народов Европы и Азии, обеспечения всеобщего мира и безопасности.

Еще в ходе военных действий на территориях стран Европы и Азии, освобождаемых от агрессоров и нацистского влияния, проведением широкого комплекса мероприятий политической работы среди войск и населения противника и оккупированных им государств советское руководство и командование Вооруженных сил СССР стремились создать условия и для ведения боевых действий с минимальными жертвами, и для оказания помощи местному населению, чем заложили основы для дружественных Советскому Союзу режимов на освобождаемых территориях.

От войны к миру. Ликвидация оккупационных и колониальных режимов в Европе и Азии

Следует признать, что в теоретическом плане проблеме освободительной миссии Вооруженных сил Советского Союза в Европе и Азии в отечественной литературе уделялось недостаточно внимания. В советской историографии такая миссия рассматривалась как

очевидная¹, российская же историография столкнулась с необходимостью дополнительной аргументации, в первую очередь в связи с тем, что освободительная миссия Вооруженных сил СССР стала в последние десятилетия одним из основных направлений фальсификации истории Великой Отечественной войны.

Ряд зарубежных и некоторые отечественные авторы ревизионистского направления, опираясь на ставшие достоянием гласности отдельные факты преступлений, совершенных военнослужащими Красной армии против мирного населения восточноевропейских стран², создают негативный образ Красной армии «как банды насильников и убийц». Немногочисленные факты насилия над мирным населением неправомерно и злонамеренно выдаются за массовые, типичные для всего личного состава нашей армии. Тем самым не просто бросается тень на репутацию Красной армии, но главное — из исторической памяти о войне вытесняется представление о великом подвиге советского народа и его вооруженных сил, которые, громя гитлеровскую Германию, не ограничились решением национальных задач, а ценой невиданного напряжения сил, великих жертв и потерь, понесенных по вине фашизма, спасли от уничтожения и себя, и современную цивилизацию, сохранили шанс на жизнь многим государствам и народам. При этом «полное моральное падение», приписываемое военнослужащим Красной армии, увязывается такими авторами с политической линией советского руководства, его курсом на экспансию в Европе. Придерживающиеся таких представлений авторы не желают учитывать, что случаи бесчинств и насилий по отношению к мирным жителям освобождаемых от немецко-фашистской оккупации стран допускались не только военнослужащими Красной армии, но и в гораздо большей степени солдатами и офицерами стран-союзниц, к тому же советское командование принимало жесткие меры для пресечения мародерства и насилия и сурового наказания конкретных преступников в погонах.

Документальные свидетельства и логика фактов, однако, не воспринимаются представителями так называемой «новой» историографии Великой Отечественной войны. И их «глухота» неслучайна. Уже неоднократно отмечалось, что появление даже в российской историографии Второй мировой войны ревизионистского направления не было непосредственно связано с открытием каких-либо неизвестных ранее документов или мемуарных свидетельств. Принятие этим направлением новой «теоретической» парадигмы обусловлено не логико-методологическими аргументами, а иными, внерациональными факторами, которые вообще не имеют отношения к науке, а лежат в сфере политики и идеологии³.

Правда же заключается в том, что одновременно с разгромом нацистской Германии Советским Союзом была решена другая задача всемирно-исторического значения — высвобождение оккупированных народов Европы из оков фашистского рабства. Освободительная миссия в Европе логично вытекала из характера войны, ведущейся Советским Союзом с фашистской Германией и ее сателлитами, как Отечественной, цели которой не только не противоречили, но и диалектически перерастали в интернационалистические задачи Красной армии. Воля советских людей к бескомпромиссной борьбе, решимость отстоять и сохранить собственное Отечество, разгромить агрессора воплощались в активное осознание своей ответственности перед отечественной и всемирной историей.

Степень и характер опасности, которую несла нацистская Германия государствам, подвергшимся агрессии или вступившим в войну с блоком фашистских государств, были отнюдь не одинаковы. Для западных держав проигрыш означал бы национальное и геополитическое поражение, которое могло выразиться в изменении соотношения сил в мире, потере части собственной территории, колоний, зон влияния. Но при этом мирное население в целом сохраняло свою численность и структуру, а социально-политическое устройство оставалось, по существу, прежним — это подтверждает опыт ряда оккупированных агрессором стран, к примеру той же Франции. Иное дело — Советский Союз: поражение стало бы для его народов не только национально-государственной, но и социальной катастрофой.

Идея освобождения народов от фашизма всеми возможными средствами находила в ходе войны все большее отражение в официальных документах советского руководства, обсуждалась И. В. Сталиным с руководителями США, Великобритании и других союзных нам стран.

Во имя ее воплощения в жизнь трудились политики и дипломаты, неустанно работал тыл. Тем не менее главным фактором освободительной миссии Красной армии было сопротивление с вермахтом и вооруженными силами других стран фашистской коалиции. Оно отличалось огромными масштабами во времени и пространстве, кровопролитным, драматическим характером, героизмом и самоотверженностью бойцов и командиров Красной армии.

Вступление советских войск в пределы Центральной и Юго-Восточной Европы диктовалось прежде всего военно-стратегической необходимостью полного разгрома агрессора. Однако по мере приближения окончания войны политические соображения стали оказывать все более значимое влияние на планирование и ведение военных действий. Для советского руководства было ясно, что без радикальных политических преобразований западные страны снова попытаются превратить Центральную и Юго-Восточную Европу в антисоветский «санитарный кордон» на границах СССР. В этих условиях советское руководство стремилось предупредить оккупацию государств этого региона англо-американскими войсками и тем самым воспрепятствовать восстановлению прежних порядков. Тем не менее Москва не могла не учитывать и интересы своих западных союзников.

Будущее послевоенной Европы неоднократно становилось темой дискуссий между руководителями стран антигитлеровской коалиции. Впервые данный вопрос был подробно изложен И. В. Сталиным в ходе переговоров с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом 16 декабря 1941 г. Последнему предлагался следующий проект: западная граница Польши должна включать Восточную Пруссию и Коридор, причем немецкое население этих районов надлежало эвакуировать в Германию. Восточная граница Польши (граница с СССР) должна идти по р. Неман, при этом Тильзит должен находиться в руках Литвы, составляющей часть СССР. Далее к югу эта граница в основном должна идти примерно по линии Керзона, которая может быть в известных пунктах частично модифицирована. Планировалось, что Чехословакия будет восстановлена в довоенных границах, включая Судеты, а также получит на юге некоторую территорию за счет Венгрии; Югославию намечалось восстановить в довоенных границах и несколько расширить за счет Италии (Триест, Фиуме, острова в Адриатическом море и т. д.) и Болгарии; Албания представлялась как независимое государство при гарантии ее независимости другими державами; Турция за соблюдение ею нейтралитета могла получить Додеканес, населенный турками район Болгарии к югу от Бургаса и, может быть, какие-либо территории в Сирии, а также некоторые острова Эгейского моря, закрывающие выходы из ее важнейших портов, вроде Смирны; Греция восстанавливалась в своих старых границах. То же намечалось сделать и в отношении всех остальных оккупированных Германией стран. Румыния восстанавливалась в границах на 21 июня 1941 г. и несколько расширялась за счет Венгрии, а также заключала военный союз с СССР, предоставляя последнему право на военные и морские базы на своей территории.

В отношении политического климата во Франции советский лидер был полон пессимизма. Он считал, что «в интересах безопасности Великобритании было бы целесообразно, чтобы последняя имела свои военные и морские базы на французском берегу в таких пунктах, как, например, Булонь, Дюнкерк и т. д. Равным образом было бы целесообразно, чтобы Бельгия и Голландия находились в открытом военном союзе с Великобританией и чтобы последняя на их территории также имела право содержать свои военные, воздушные и морские базы». Великобритания получала право на морские базы в Норвегии или Дании при условии гарантии некоторыми державами входов и выходов из Балтийского моря. На территории Германии И. В. Сталин предлагал создать ряд государств с обязательным отделением Рейнской области с ее промышленным районом от остальной Пруссии. Австрия восстанавливалась как независимое государство. Советский Союз должен был вернуться к границам по состоянию на 21 июня 1941 г. с установлением западных границ по линии Керзона с включением Тильзита в состав Литовской республики. В ответ на военные действия Финляндии СССР требовал возвращения Петсамо. Однако тогда британский представитель отказался подписать подобный секретный протокол к соглашению об установлении союзных отношений. Последнее также не было подписано, хотя между политиками установились тесные отношения.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль с высшими офицерами союзников на конференции в Касабланке

По мнению А. Гарримана, президент США Ф. Рузвельт «неизменно высказывал свою малую заинтересованность в восточноевропейских делах за исключением тех моментов, которые могли оказать влияние на настроение населения в самой Америке». Рузвельт считал «европейские вопросы настолько сложными, что лучше стоять от них подальше, по крайней мере ограничиться проблемами, которые напрямую относятся к Германии»⁴. В отношении же глобальных вопросов господствовала идея необходимости «четырех полицейских» (США, Великобритании, СССР и Китая), которые возьмут на себя обеспечение порядка и будут способствовать развитию демократии в остальных странах. По мнению президента, высказанному в беседе с кардиналом Спеллманом осенью 1943 г., мир мог бы быть поделен следующим образом: «Китай получает Дальний Восток, США — регион Тихого океана, Британия и Россия — Европу и Африку. Но поскольку Великобритания будет прежде всего занята своими колониями, то можно предположить, что интересы СССР в Европе будут доминирующими». Поэтому американская позиция по вопросу послевоенного устройства Европы лежала в русле британской политики оттягивания решения вопроса о послевоенных границах. Несмотря на наличие краткого периода сближения с Советским Союзом на фоне побед Красной армии под Москвой и Сталинградом, уже в феврале 1943 г. Ф. Рузвельт высказывал опасения в отношении СССР. В меморандуме Государственного департамента о встрече 22 февраля 1943 г. в Касабланке говорилось: «С одной стороны, президент придерживается мнения, [что] ...фактически весь мир должен быть разоружен, за исключением Соединенных Штатов, Великобритании, России и Китая. Но, с другой стороны, президент с большой похвалой отзываясь о плане Буллита, основанном на недоверии к Советскому

Союзу и согласно которому вся Европа западнее СССР должна быть организована как единый, хорошо вооруженный лагерь. Он нужен для того, чтобы противостоять продвижению России на запад. Президент не знает, что делать с Россией, и беспокоится за будущее развитие событий»⁵. В этой связи показательно примечание к документу Комитета по послевоенным международным отношениям Госдепартамента: «Президент изменил свое отношение к Франции. До высадки в Северной Африке президент придерживался мнения о необходимости разоружения Франции. Но теперь он обдумывает следующий вопрос — что случится, если Франция и Германия будут разоружены, а Россия останется вооруженной и не согласится сотрудничать с США, Великобританией и Китаем в деле поддержания мира?»⁶

Однако разработки будущего послевоенной Европы, которые велись советскими дипломатами, показывают беспочвенность подобных высказываний. Как отмечают современные исследователи, советское планирование послевоенного будущего Европы в канун и в годы Великой Отечественной войны прошло несколько этапов. На первом (1940–1941) Советский Союз стремился к переговорам и созданию блока безопасности на Балканах в противовес германской гегемонии в Европе, последовавшей за падением Франции в июне 1940 г. На втором этапе (1941–1942) акцент делался на новое подтверждение права на территорию, полученную в результате германо-советского пакта, а также на достижение послевоенных соглашений по вопросам безопасности с Британией и Соединенными Штатами. На третьем этапе (1943–1944), который можно было бы назвать этапом «Большого союза», создание сферы влияния в Восточной Европе оказалось связано, а в некоторых отношениях и подчинено более масштабному проекту по установлению советско-британо-американского мирового господства⁷.

Осенью 1943 г. в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) была создана секретная комиссия по вопросу послевоенного устройства, которую возглавил отозванный из Вашингтона М. М. Литвинов. Исходя из интересов безопасности СССР, комиссия подготовила ряд записок по европейским странам и «узловым точкам» Европы. Так, предполагались интернационализация Кильского канала и получение Аландских островов, на которые претендовала Швеция, занятие острова Рюген и создание там советской военно-морской базы. Кроме того, создание дружественного Москве режима в Польше, которая на протяжении нескольких веков была краеугольным камнем «санитарного кордона» против России. Как отмечают историки, «западные страны на тот момент не представлялись членам комиссии единым враждебным блоком. И если интересы англичан почти по всем вопросам входили в противоречие с советскими, то отношение комиссии к США было довольно теплым». При этом на первый план выдвигалась проблема безопасности Советского Союза, которая «связывалась с его территориальным расширением, с приобретением выгодных границ и прикрывающего страну пояса безопасности»⁸.

Несколько позднее записку аналогичного содержания наркому иностранных дел В. М. Молотову представил начальник другой секретной комиссии НКВД — по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками. В документе, озаглавленном «О желательных основах будущего мира» говорилось: «Мне (И. М. Майскому. — *Ред.*) представляется, что нашей конкретной целью при построении будущего мира и послевоенного порядка должно быть создание такого положения, при котором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира, по крайней мере в Европе и в Азии... мой приблизительный расчет сводится к следующему: если допустить, что СССР понадобится около 10-ти лет для залечивания ран, нанесенных ему войной, то длительный срок безопасности и мира, к которому нам следует стремиться при ликвидации нынешней войны, должен составить минимум 30, максимум 50 лет. Грубо говоря, речь идет о жизни двух поколений». В дальнейших своих положениях записка И. М. Майского в целом повторяла упомянутое выше предложение И. В. Сталина А. Идену⁹.

Вопрос о государственных границах в Европе игнорировался союзниками по антигитлеровской коалиции в ходе переговоров с СССР, а вместо него активно предлагалось разделить

сферы влияния. Задачу территориального размежевания они представляли как проблему взаимоотношений двух непосредственно граничащих между собой государств, втайне осуществляя переговоры с правительствами освобождаемых стран (например, сепаратные переговоры представителей Великобритании и США с румынским князем Б. Штибеем 17 марта 1944 г. или попытка независимого от Красной армии освобождения Польши в ходе Варшавского восстания 30 августа — 30 сентября 1944 г.). Английский вариант соглашения о влиянии в послевоенной Европе был представлен У. Черчиллем И. В. Сталину в ходе их переговоров 9–18 октября 1944 г. Так называемое «процентное соглашение» состояло в следующем: в Румынии признавалось советское влияние на 90%, англо-американское — на 10%; в Греции — 10% и 90%; в Югославии и Венгрии — 50% и 50%; в Болгарии — 75% и 25%. Позднее было оговорено, что в Болгарии советское влияние составит 80%¹⁰. «Процентное соглашение», хотя и не было официально оформлено, формально соблюдалось после войны Советским Союзом и Великобританией.

Уже в 1944 г., после того как Красная армия пересекла Государственную границу СССР, советское правительство сделало ряд заявлений, в которых указывалось, что его вооруженные силы вступают в пределы суверенных государств не как завоеватели, а как освободители. Перед политическим и военным руководством СССР встали задачи: по координации с союзными державами действий, связанных с вопросами освобождения территорий, которые были заняты вермахтом и армиями стран — сателлитов Германии; по обеспечению взаимодействия с эмигрантскими правительствами оккупированных Германией и ее союзниками стран при вступлении Красной армии на их территорию; по взаимодействию с находившимися на территории СССР антифашистскими кругами европейских государств и освободительными силами внутри этих государств и по отрыву от Германии ее союзников. Различия во внутреннем и международном положении стран Европы определили и линию поведения СССР в отношении каждой из них в период освобождения. Но главным служило объявленное руководством СССР стремление к восстановлению в этих странах их национальной государственности. Особо подчеркивалось, что первоочередной целью военных действий Красной армии является разгром немецко-фашистских войск.

Советское военное присутствие на территории ряда стран Центральной, Восточной Европы и на Балканах на заключительном этапе войны, с одной стороны, стало прямым результатом успешных боевых действий Красной армии, с другой — было вызвано военной необходимостью завершения разгрома вооруженных сил Германии и ее союзников. В то же время вступление советских войск на территорию зарубежных стран открывало возможность для непосредственного воздействия на развитие в них внутривнутриполитической ситуации в интересах СССР. При этом главная политическая задача советского военного присутствия состояла в обеспечении условий для закрепления после окончания войны влияния СССР в зонах, рассматривавшихся наиболее важными с точки зрения обеспечения безопасности советских границ.

Румыния была первым государством — участником фашистского блока, на территории которого Красной армии предстояло вести военные действия. Поэтому советское руководство придавало этому событию не только важное военно-стратегическое значение, но и рассматривало его с политических позиций укрепления международного влияния СССР и положительного воздействия на отношение народов освобождаемых стран к советским войскам.

В постановлении Государственного Комитета Обороны от 10 апреля 1944 г. отмечалось, что Красная армия вошла в пределы Румынии «не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского ига», что она не преследует ничего иного, «кроме целей разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в поработанных ею странах». Исходя из общих военно-политических целей советских войск в Румынии, указывалось: в занятых Красной армией районах «органов советской власти не создавать, сохранять без изменения все существующие в этих районах румынские органы власти и существующую в Румынии систему экономического и политического устройства», а также исполнение религиозных обрядов, «румынских порядков не

Король Румынии Михай I с советским орденом Победы

ломать и советских порядков не вводить». Особым пунктом объявлялось, что «все личные и имущественные права румынских граждан и частных обществ, а также принадлежащая им частная собственность находятся под охраной советских военных властей»¹¹. Именно это постановление стало в дальнейшем руководящим документом при определении задач советских военных властей в других странах.

Так, с началом освобождения польской территории в заявлении НКВД СССР от 26 июля 1944 г. об отношении СССР к Польше военные действия Красной армии рассматривались как операции на территории союзного государства в целях разгрома вражеских армий и оказания помощи польскому народу в восстановлении «независимой, сильной и демократической Польши». Советская сторона заявила, что не будет устанавливать в Польше органов своей администрации, «считая это делом польского народа»¹². В заявлении отмечалось, что СССР не преследует цели присоединения каких-либо польских земель или изменения в Польше общественного строя и что военные действия Красной армии на территории Польши диктуются исключительно военной необходимостью и стремлением оказать дружественному польскому народу помощь в освобождении от немецкой оккупации¹³.

В освобожденной части страны происходили радикальные преобразования, которые касались прежде всего экспроприации захваченного немцами имущества. Изъятие средств производства у оккупантов означало на практике передачу управления экономикой страны в руки создаваемых польских государственных структур. К 20 декабря 1944 г. в основном был завершён первый этап аграрной реформы. В Польше, где до войны в сельском хозяйстве было занято до 65% населения, земельная реформа стала тем фактором, который оказал большое влияние на отношение крестьянства к новой власти, а также на настроения солдат Войска Польского, в большинстве своем пришедших в армию из деревни. Земли помещичьих имений были разделены между безземельными, малоземельными и средняцкими крестьянскими хозяйствами.

Усилия Польского комитета национального освобождения были направлены на осуществление мер по восстановлению промышленности и транспорта, закрепление результатов проведенной в районах восточнее Вислы аграрной реформы, увеличение производства продуктов сельского хозяйства, организацию труда на заводах, фабриках, шахтах, железных дорогах и во вновь созданных государственных учреждениях.

31 декабря 1944 г. Польский комитет национального освобождения был преобразован во Временное правительство Польской республики. Премьер-министром и министром иностранных дел стал бывший председатель Польского комитета национального освобождения Э. Осубка-Моравский. В программном заявлении Временного правительства от 2 января 1945 г. определялись его главные задачи: завершение полного освобождения Польши и доведение борьбы с нацистской Германией до окончательной победы, восстановление и развитие народного хозяйства страны, строительство и укрепление Войска Польского, претворение в жизнь требований об установлении западной границы по Одру и Нейсе, развитие и укрепление дружественных отношений с Советским Союзом.

Социально-экономические преобразования и процесс создания польских вооруженных сил проходили в непростых условиях. Лондонское эмигрантское правительство считало для себя главной опасностью советское влияние в Польше. Однако его планы по восстановлению довоенного строя, проведению антисоветской внешней политики в то время оказались несостоятельными. Правительство СССР 5 января 1945 г. установило с Временным правительством Польши дипломатические отношения и оказало ему значительную политическую и экономическую поддержку. В марте Временное правительство обменялось послами с Чехословакией и Францией и установило официальные отношения с Югославией, а в мае им были установлены дипломатические контакты с Италией и Швецией. Образование Временного правительства и установление с ним дипломатических отношений рядом государств явилось серьезным ударом по лондонскому эмигрантскому правительству, позиции которого на международной арене оказались основательно подорванными. Значительную помощь Польше Советский Союз оказывал и в создании национальных вооруженных сил.

Все формировавшиеся части и соединения обеспечивались советским вооружением, средствами связи, транспортными машинами, боеприпасами, горючим, обмундированием и частично продовольствием.

Специфика военно-политических условий в Болгарии, предшествовавших вступлению на ее территорию войск Красной армии, во многом определялась ролью этой страны в балканской политике Германии, а также особенностями советско-болгарских отношений в годы Второй мировой войны. Известно, что Болгария была союзницей нацистской Германии: ее территория, порты и аэродромы использовались для нужд вермахта, страна являлась поставщиком продовольственных и стратегических ресурсов для Третьего рейха, а болгарские войска выполняли оккупационные функции на территории юго-восточной Югославии и в Греции (Западной Фракии), высвобождая таким образом германские войска для ведения боевых действий против вооруженных сил антигитлеровской коалиции, главным образом на советско-германском фронте. При этом германское командование учитывало, что вермахт в Болгарии не располагал значительными силами¹⁴. Поэтому усилия германской стороны были направлены на поддержание правящего в стране режима.

В обстановке успешных действий Красной армии в Яско-Кишиневской операции и после того как 25 августа Румыния перешла на сторону антигитлеровской коалиции, болгарское правительство объявило о «полном нейтралитете» Болгарии. Однако это не давало гарантий для успешного наступления войск Красной армии в Югославии, а также на будапештско-венском направлении. По этой причине 5 сентября 1944 г. СССР объявил войну Болгарии. А 7 сентября болгарское правительство вынуждено было объявить войну Германии. В результате победы антифашистского восстания 9 сентября 1944 г. к власти в Болгарии пришло правительство Отечественного фронта, нацеленное на восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом. В связи с этими событиями Ставка ВГК приказала командующим 3-м Украинским фронтом и Черноморским флотом с 23 часов 9 сентября прекратить военные действия в Болгарии¹⁵.

В 1944 г. Югославия, оккупированная странами фашистского блока, постепенно освобождалась от захватчиков. Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) под командованием маршала И. Броз Тито контролировала почти половину страны. Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) на очищенных от оккупации территориях создавал государственные и военные органы власти. В феврале 1944 г. в район местонахождения Национального комитета освобождения Югославии и Верховного штаба НОАЮ прибыла советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Н. В. Корнеевым с задачами выполнения не только военных, но и политических функций. Таким образом, Советский Союз де-факто признавал НКОЮ в качестве югославского правительства. Главной задачей миссии было найти возможности оказания материальной и военной помощи народно-освободительному движению в Югославии и организовать взаимодействие НОАЮ и Красной армии.

Немецкие войска в восточных районах Югославии в октябре 1944 г. насчитывали около девяти дивизий и мотобригаду¹⁶. Большая часть этих сил сосредоточилась вдоль восточной границы Югославии и готовилась к обороне против войск 3-го Украинского и левого крыла 2-го Украинского фронта. Кроме того, поддержку им оказывали части пяти венгерских дивизий численностью 30 тыс. человек. Значительную силу в Сербии представляли войска местных коллаборационистов — четники, сербский добровольческий корпус, сербская государственная охрана марионеточного правительства, русский белогвардейский корпус — более 70 тыс. человек. Наряду с главными транспортными магистралями противник удерживал большинство крупных городов и промышленных районов страны.

В начале сентября маршал Тито через советскую военную миссию в Югославии передал ГКО СССР просьбу о вводе войск Красной армии в Югославию¹⁷. Советские и югославские войска начали активную подготовку к совместным боевым действиям. В НОАЮ из Советского Союза в большом количестве стали поступать военная техника и вооружение. Была достигнута договоренность о временном вступлении советских войск на югославскую территорию для

Группа югославских партизан с советскими офицерами

Бойцы Народно-освободительной армии Югославии

освобождения совместно с НОАЮ восточных районов страны, а после выполнения оперативных задач — их выведении из Югославии. В районах расположения частей Красной армии по-прежнему должна была действовать гражданская администрация НКОЮ¹⁸.

В период подготовки к штурму Белграда решался вопрос о том, кто первым войдет в столицу. В связи с этим маршал И. Броз Тито еще 5 октября 1944 г. приказал командующему 1-й армейской группой НОАЮ генералу П. Дапчевичу: «Вся ваша группа из 9 дивизий должна принять участие во взятии Белграда. Мы хотим, и русские тоже так считают, чтобы в Белград первыми вошли наши подразделения»¹⁹. Командование 3-м Украинским фронтом при необходимости просило выделять некоторым югославским соединениям автотранспорт, чтобы обеспечить их своевременное прибытие в район боевых действий. Например, подобного рода распоряжение было отдано 11 октября маршалом Ф. И. Толбухиным командиру 4-го гвардейского механизированного корпуса в отношении 23-й пехотной дивизии 14-го армейского корпуса Народно-освободительной армии Югославии²⁰. Советское командование не только дало возможность частям НОАЮ первыми войти в столицу, поддерживая их танками и артиллерией, но и обеспечивало их участие в полном освобождении города.

В освобожденном 20 октября 1944 г. Белграде были созданы условия для деятельности Национального комитета освобождения Югославии и других органов гражданских и военных властей; политическое и военное руководство новой Югославии начало активную деятельность по мобилизации всех сил на окончательное освобождение страны и дальнейшее укрепление народной власти²¹. Соединения и части НОАЮ, значительно пополненные вооружением и военными материалами, переданными ей советским правительством, к концу октября вышли на рубеж р. Дрина (100 км западнее Белграда).

Руководство народной Югославии высоко оценило вклад Красной армии в освобождение ее столицы. Так, по оценке И. Броз Тито, освобождение Белграда для народов Югославии имело историческое значение «особенно потому, что страна этих измученных народов является той ареной, где совместно проливали кровь сыны Великого Советского Союза с достойными сынами Югославии»²². В результате Белградской операции были созданы прочный тыл НОАЮ и благоприятные условия для завершения полного освобождения страны от немецких оккупантов. В соответствии с соглашением с Национальным комитетом освобождения Югославии советское правительство в конце 1944 — начале 1945 г. передало вооружение и военную технику для оснащения 12 пехотных и двух авиационных дивизий. Так, сформированная из воинов югославской армии и обученная советскими специалистами югославская танковая бригада была укомплектована советскими танками Т-34. Уже в апреле 1945 г. она вступила в бой с врагом²³.

Без Советского Союза, подчеркивал маршал Тито, «была бы невозможна победа над фашистскими захватчиками, было бы невозможно освобождение Югославии, было бы невозможно создание новой Югославии»²⁴. Освобождение территории Югославии и ее столицы Белграда, последующие успехи югославской армии на фронте привели к дальнейшему изменению военно-политической обстановки в стране в пользу демократических сил.

В связи с вступлением советских войск на территорию Венгрии ГКО СССР в постановлении от 27 октября 1944 г. отмечал, что Красная армия пришла в эту страну «как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского гнета и не преследует целей приобретения какой-либо части венгерской территории или изменения существующего в Венгрии общественного строя»²⁵. Этот документ определял порядок установления советской военной администрации в освобожденных районах и налаживания нормальных отношений с венгерским населением.

В главных городах и наиболее крупных населенных пунктах Венгрии назначались советские военные коменданты, которые осуществляли необходимые мероприятия, исходя, в первую очередь, из интересов Красной армии, через существовавшие в Венгрии органы местной власти²⁶.

22 декабря 1944 г. Временное национальное собрание избрало коалиционное Временное национальное правительство Венгрии во главе с генерал-полковником Б. Миклошем. Со-

брание поручило вновь образованному Временному правительству обратиться с просьбой к советскому правительству начать переговоры о перемирии.

20 января 1945 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии между СССР, Великобританией и США, с одной стороны, и Венгрией — с другой. В соответствии с соглашением Венгрия объявляла войну Германии²⁷. С учетом этого стороны условились, что возмещение Венгрией убытков, причиненных в ходе войны против СССР, Чехословакии и Югославии, будет произведено не полностью, а частично: в сумме 300 млн долларов США с погашением в течение шести лет товарами, причем сумма возвращения Советскому Союзу составит 200 млн долларов. На весь период перемирия учреждалась Союзная Контрольная Комиссия (СКК) под председательством Союзного (Советского) главнокомандования и с участием представителей Великобритании и США. С выходом из войны Венгрии блок Германии и ее европейских государств-сателлитов прекратил свое существование.

Что касается Чехословакии, то 24 марта 1945 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым советское правительство выразило согласие отнести все произведенные Советским Союзом затраты на организацию и содержание чехословацких воинских частей на счет военных расходов СССР и в дальнейшем предоставлять из бюджета необходимые средства для вооружения, снаряжения и обслуживания чехословацких соединений, оперативно подчиненных советскому командованию и ведущих военные действия против Германии. В свою очередь, правительство Чехословацкой Республики согласилось покрыть понесенные им затраты на содержание частей Красной армии на территории Чехословакии. Советское правительство решило также предоставить Чехословакии продовольствие, товары и промышленное сырье, в которых она испытывала особую нужду²⁸.

Политика СССР в отношении Австрии определялась решениями, принятыми на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (октябрь 1943 г.), и прежде всего Декларацией об Австрии от 30 октября, в которой был зафиксирован будущий статус Австрии как «свободного и независимого государства» и подчеркивалось, что эта страна стала «жертвой гитлеровской агрессии» и «должна быть освобождена от германского господства». Вместе с тем в этом документе говорилось, что Австрия «несет ответственность, которой не может избежать, за участие в войне на стороне гитлеровской Германии и что при окончательном урегулировании неизбежно будет принят во внимание ее соответствующий вклад в дело ее освобождения»²⁹.

2 апреля 1945 г. в директиве Ставки ВГК командованиям 2-го и 3-го Украинских фронтов было приказано издать обращения к населению Австрии, в которых заявить о целях вступления Вооруженных сил СССР в страну. Где отметить, что Красная армия «вошла в пределы Австрии не с целью захвата австрийской территории, а исключительно с целью разгрома вражеских немецко-фашистских войск и освобождения Австрии от немецкой зависимости»³⁰. Директива содержала два ключевых момента, которые в дальнейшем определяли советскую оккупационную политику в этой стране. Это заявление о том, что «Советский Союз будет содействовать восстановлению в стране прежнего порядка, существовавшего до 1938 г., т. е. до вторжения немцев в Австрию». А также указание довести до сведения бургомистра Вены, что «советское командование не будет противодействовать созданию временного правительства Австрии с участием демократических сил». Тем самым было сразу оговорено принципиальное отличие задач советской оккупации в Австрии от Германии. В директиве давалось указание назначить в населенных пунктах военных комендантов, которые, в свою очередь, утверждали бургомистров и старост из местного населения для выполнения функций гражданских властей³¹. Советское правительство подтвердило верность принципам Московской декларации союзников о независимости Австрии и свое намерение «содействовать ликвидации режима немецко-фашистских оккупантов и восстановлению в Австрии демократических порядков и учреждений»³².

В документах и обращениях военных советов фронтов, действовавших в Австрии, неоднократно подчеркивалось, что все личные и имущественные права австрийских граждан, частных обществ, а также принадлежащая им частная собственность остаются неприкосно-

венными «до создания самим австрийским народом демократическим путем своих австрийских властей». Национал-социалистическая партия распускалась, но рядовые члены этой партии, как было заявлено советским командованием, не подлежали преследованию, если они лояльно относились к советским войскам³³. Таким образом, были очерчены основные принципы для возрождения системы государственной власти в независимой демократической Австрии.

Особняком стоят вопросы урегулирования отношений с Финляндией. В ночь на 4 сентября 1944 г. правительство Финляндии сделало заявление по радио, что принимает советские предварительные условия, разрывает отношения с Германией и соглашается на вывод немецких войск из Финляндии к 15 сентября. Одновременно главное командование финской армии объявило, что прекращает военные действия по всему фронту с 8 часов утра 4 сентября 1944 г. 19 сентября 1944 г. в Москве было подписано Соглашение о перемирии между СССР, Великобританией, с одной стороны, и Финляндией — с другой. Контроль над выполнением условий перемирия вплоть до заключения мира должна была осуществлять специально создаваемая Союзная контрольная комиссия под руководством советского Главного командования. 10 февраля 1947 г. в Париже был подписан Мирный договор между СССР и Финляндией.

В финской историографии официальный статус получило утверждение, согласно которому Финляндия была скорее жертвой сложившейся ситуации и не имела возможности избежать войны. Однако объективности ради необходимо отметить, что существуют и другие точки зрения по этому вопросу. Так, в исследовании по итогам войны для Финляндии, подготовленном Библиотекой конгресса США, говорится: «Несмотря на значительный ущерб, нанесенный войной, Финляндия смогла сохранить свою независимость; тем не менее, будь СССР жизненно в этом заинтересован, нет сомнения, что финская независимость была бы уничтожена. Финляндия вышла из войны с пониманием этого факта и намерением создать новые и конструктивные отношения с СССР»³⁴.

После нападения Германии на СССР правительство Норвегии в эмиграции немедленно заявило о поддержке им СССР, и 5 августа 1941 г. дипломатические отношения были вновь налажены.

С самого начала Великой Отечественной войны советское руководство ясно дало понять, что считает Норвегию принадлежащей к британской сфере интересов, и не возражало, чтобы Англия имела там свои морские базы. Сталин отклонил предложение президента США Рузвельта от 12 января 1942 г. занять Нарвик советскими войсками. «У Советского Союза нет и не было каких-либо территориальных или других претензий к Норвегии», — говорилось в ответе Рузвельту³⁵. 16 мая 1944 г. в Лондоне Норвегией были заключены соглашения с союзниками, в том числе и с СССР, о гражданской администрации и юрисдикции после ее освобождения³⁶.

В результате Петсамо-Киркенесской операции советские войска вышли к границам Норвегии и 25 октября 1944 г. освободили г. Киркенес. При отступлении немецкие войска разрушали норвежские города и села, взрывали административные здания и жилые дома, причиняли местному населению тяжкие страдания. Были уничтожены все продовольственные запасы, имевшиеся в Северной Норвегии. По просьбе норвежских властей советское командование выделило из армейских фондов продовольствие, а также предоставило целиком в их распоряжение уцелевшие трофейные склады в Варде, Вадсе и западном Финмарке³⁷.

Наиболее трудное положение создалось в отношении жилья. Немцы почти повсеместно сжигали дома. В Киркенесе из 220 жилых домов осталось всего 30. Советское командование ввиду этого приняло решение не занимать ни одного дома или строения, принадлежащего норвежскому населению. Это решение неуклонно проводилось в жизнь.

Значительная помощь была также оказана в восстановлении разрушенной инфраструктуры: «Силами Красной Армии произведено разминирование норвежских общественных зданий, причалов и предприятий (всего извлечено до 15 000 мин), восстановлено 200 км магистральной дороги; по просьбе норвежских властей строится для нужд гражданского

населения мост длиной более 200 м через реку Патсо-Йоки (взамен взорванного противником). Ликвидированы возгорания больших складов угля, которые норвежцы не могли приостановить собственными силами (на это потрачено 3,5 тыс. человеко-дней красноармейцев). Для разрешения транспортных затруднений норвежским властям предоставлено было советским командованием 6 автомашин и 8 тонн бензина. Часть работ производится совместно советским командованием и норвежскими властями. Так, сообща проведены работы по восстановлению причалов в Киркенесе, Тарнете, Якобнесе, Вадсе, Варде, Ботсфьорде»³⁸.

30 июня 1945 г. во время празднования Дня союзников в Осло король Норвегии Хокон VII говорил: «Норвежский народ с энтузиазмом следил за героизмом, храбростью и мощными ударами, которые наносила немцам Красная Армия... Война была выиграна Красной Армией на Восточном фронте. Именно эта победа привела к освобождению Красной Армией норвежской территории на севере... Норвежский народ принял Красную Армию как освободительницу»³⁹. Проводы частей 14-й армии на родину в СССР в конце сентября 1945 г. проходили в Норвегии торжественно, о чем столичная газета «Афтенпостен» писала: «Пусть русские, покидая нас, знают, что их провожает дружественный им народ, который никогда не забудет то, что они сделали для нас, а также для общего дела победы над врагом»⁴⁰.

Вторая мировая война кардинальным образом изменила судьбы многих стран Европы и Азии и своими итогами во многом предопределила их дальнейшее геополитическое положение на длительную перспективу. Важнейшим итогом войны стали разгром фашизма и милитаризма, восстановление суверенитета стран, захваченных агрессорами. Была сокрушена не только военная мощь стран фашистского блока, но и полностью развалены государственные машины нацизма и милитаризма стран-агрессоров. На конференциях глав великих держав антифашистской коалиции в Ялте и Потсдаме были приняты важнейшие решения по политическому устройству мирового порядка, что создало реальные предпосылки для создания и сохранения длительного мира. Созданная союзниками Ялтинско-Потсдамская система мироустройства наряду с другими мерами военно-политического характера позволяет до сих пор удерживать мировое сообщество от крупномасштабных войн. В основном выдержали испытание временем и многие международные организации, среди которых ведущую роль играет Организация Объединенных Наций, образованная по инициативе СССР, США и Великобритании.

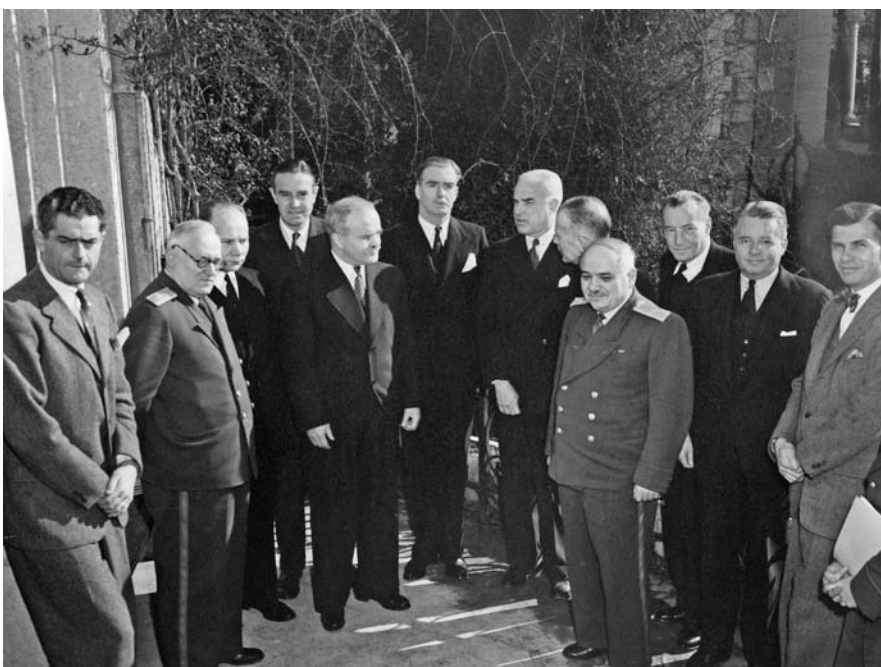
На заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы советское руководство не ставило цели формирования в восточноевропейских странах однопартийных коммунистических режимов. В тот период задача заключалась в том, чтобы создать на западной границе СССР пояс безопасности из дружественных государств. Их социально-политическая система после войны формировалась под советским контролем, благодаря которому левые партии имели преимущества. Однако парламентаризм и многопартийность не отрицались. Советское руководство терпимо относилось к некоммунистическим умеренным партиям и поощряло создание коалиций и объединение партий и движений в народные (национальные, демократические, отечественные) фронты, стоявшие на демократических позициях. Такой порядок обеспечивал господство социалистических элементов в экономике и политическом строе без разрушения государственной машины и при сохранении традиционного парламентаризма.

В семи странах Центральной и Восточной Европы и в Восточной Германии к власти пришли левые, демократические силы. Созданные в них новые правительства возглавили представители коммунистических и рабочих партий. Руководители этих стран провели аграрные реформы, национализацию крупной промышленности, банков и транспорта. Сложившаяся политическая организация общества получила название «народной демократии».

Установлению дружественных СССР политических режимов в Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польше, Албании, Югославии способствовали не только военная мощь Советского Союза, но и его международный авторитет, оказавший огромное влияние на развитие национально-освободительного движения во всей Европе. Советский Союз использовал все возможности, чтобы установить или расширить дружественные связи с

У. Черчилль, Ф. Рузвельт и И. В. Сталин на Ялтинской конференции

Советские, американские и британские дипломаты во время Ялтинской конференции

патриотическими силами стран Европы, боровшимися с фашизмом, оказать им помощь. Последние месяцы войны характеризовались стремительным ростом патриотических сил, их объединением в национальных масштабах, тесным переплетением антифашистской и классовой борьбы.

СССР не преследовал цели приобретения каких-либо территориальных, материальных и даже политических выгод, хотя советское руководство и не скрывало от союзников, что оно заинтересовано в утверждении на освобожденных от фашистов территориях таких властей, которые были бы лояльны к Советскому Союзу и войскам Красной армии. Но такого рода желания были естественными, логичными и не выходили за рамки международно-правового порядка, устанавливавшегося другими странами антигитлеровской коалиции на землях, которые занимали их армии (в Италии, Франции, Бельгии и других). Утверждение же в послевоенные годы в ряде восточноевропейских стран народно-демократических режимов следует относить на счет не «сталинского экспансионизма», а воли самих народов Польши, Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и Албании.

Между СССР и странами Восточной Европы были заключены договоры о дружбе и взаимной помощи. Аналогичные договоры связали Советский Союз с ГДР, созданной на территории Восточной Германии, а также с Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) и Китайской Народной Республикой (КНР).

Великая Отечественная война советского народа против фашистского нашествия, за освобождение от фашистского гнета народов Европы, закончившаяся 9 мая 1945 г., получила свое логическое продолжение в начавшейся 9 августа 1945 г. Советско-японской войне, явившейся закономерным финалом коалиционной Второй мировой войны.

Объявляя в полном соответствии с обязательствами перед союзниками, предусмотренными соглашением от 11 февраля 1945 г. в Ялте, и договоренностями в Потсдаме войну Японии, Советский Союз ставил перед собой среди прочих следующие гуманные цели: ускорить разгром японских империалистов и тем самым приблизить конец Второй мировой войны, сократить число жертв, связанных с войной, помочь китайскому, корейскому и другим народам Азии в их борьбе против японских агрессоров за национальную свободу и независимость.

Японская армия была в состоянии затянуть войну против Китая, США и Великобритании, не имевших достаточных сил и средств для быстрого принуждения Японии к капитуляции, на длительный срок. К августу 1945 г. вооруженные силы Японии насчитывали около 7 млн человек. Кроме того, имела возможность мобилизовать в действующую армию еще 1 млн 500 тыс. человек, создавалось многомиллионное ополчение. Американско-английское командование не без оснований считало, что высадка на островах Японской метрополии будет стоить союзникам более миллиона жизней. Но у США и Великобритании не было уверенности, что и после того, как их десантные операции увенчаются успехом и Япония капитулирует, ее армии на Азиатском субматерике также сложат оружие. Кроме того, подготовка и проведение десантных операций были сопряжены с громадными трудностями. Правительства западных стран исходили, по признанию У. Черчилля, из предположения, что война с Японией будет продолжаться не менее полутора лет. Вступление СССР в войну против дальневосточного агрессора кардинально изменило ситуацию: Япония капитулировала, и перед союзниками встали задачи, аналогичные тем, что уже в какой-то мере решались в Европе.

Проблема устройства Китая после Второй мировой войны очень рано стала занимать умы лидеров союзников. Уже в 1942 г. отчетливо наблюдались два подхода к Поднебесной со стороны двух главных архитекторов будущего мира — И. В. Сталина и Ф. Рузвельта. Подход Сталина хорошо отражен в историографии⁴¹: в условиях единого фронта Коммунистической партии Китая (КПК) и Гоминьдана добиться значительного представительства коммунистов в будущем коалиционном правительстве, а затем, используя левые группировки в Гоминьдане, привести Мао Цзэдуна к единоличной власти.

Подход Ф. Рузвельта был не так однозначен. Дело в том что у американского президента, изначально связывавшего именно с Чан Кайши надежды на усиление позиций США в Китае после войны, по мере развития ситуации на Китайском театре военных действий начали

Сун Мейлин, супруга Чан Кайши, выступает перед членами Палаты представителей США

Чан Кайши

появляться серьезные сомнения в потенциале Чан Кайши как будущего общекитайского лидера. В условиях пассивности боевых действий со стороны Китая (вплоть до середины 1944 г. ни одной стратегической операции против японцев) США были озабочены лишь тем, чтобы «удержать Китай в состоянии войны»⁴². Опасения вызывали также: 1) экономическая политика Чан Кайши, которая не имела ничего общего с пропагандируемыми США принципами; 2) национализация экономики, которую проводил Чан Кайши и которая привела к монополизации целых отраслей промышленности представителями четырех кланов, три из них — родственники Чан Кайши и его супруги Сун Мэйлин (Чан, Чэнь, Кун, Сун); 3) коррупция, которая достигла в Гоминьдане сверхмасштабов. Поэтому в 1944 г. в Китай отправился вице-президент США Г. Уоллес. Он посетил и Чан Кайши в Чунцине, и Мао Цзэдуна в Яньани и сделал важнейший вывод, доложенный президенту: «Новые инвестиции в генералиссимуса не окупятся»⁴³.

Как пишет А. В. Панцов: «Книги супругов Сноу, Смедли и других журналистов, равно как и донесения Карлсона, восторженные рассказы о Мао и его товарищах английских корреспондентов Фриды Атли, Клэр и Уильяма Бэндера уверяли мир, что китайские коммунисты не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Мрачный диктатор Чан и его режим неуклонно теряли очки, проигрывая в глазах многих американцев «либеральному» националисту Мао и его «народному правительству»⁴⁴. И хотя добиться полной поддержки от Ф. Рузвельта не удалось, последующие «миссии Дикси» в Китай, контакты с КПК (1944—1945 гг.: полковник Дэвид Баррет, Джон Сервмс, Раймонд Лудден) убедили американскую элиту в двух основных моментах: 1) приход к власти Мао Цзэдуна не будет означать «покраснения» Китая, ибо Мао «демократ» и «реалист»⁴⁵; 2) поддержка Чан Кайши — бесперспективна, поскольку в гражданской войне его правительство проиграет, а США потеряет все вложенные средства. Чтобы окончательно разобраться в ситуации, новый президент США Г. Трумен, изначально, как и Ф. Рузвельт, поддерживавший Чан Кайши и оказавший его режиму значительную финансовую и военную помощь в первые послевоенные годы, видя неспособность гоминьдановского лидера удерживать ситуацию в Китае под контролем, отправил туда Дж. Маршалла, который очень симпатизировал Чану, но в 1946 г. обнаружил все те же пороки режима Чан Кайши: коррупцию, «засилье милитаристов», отсутствие у генералиссимуса трезвой оценки положения в Китае⁴⁶. В результате Дж. Маршалл сделал вывод: Гоминьдан уже не спасти, поскольку сами китайцы не хотят его спасения. Только союз Гоминьдана и КПК, по его мнению, мог урегулировать положение. Именно к такому заключению были готовы и в Белом доме, и американская общественность, и именно это служило гарантией выполнения главного плана Сталина насчет Китая.

Но и в СССР были определенные сложности с оценкой будущего Китая. И. В. Сталин до последнего не мог выбрать, кого поддерживать в Китае приоритетно — КПК или Гоминьдан. Поэтому и была выдвинута идея коалиционного правительства, которую закрепили на седьмом съезде КПК. И Мао, и Чан должны были временно наладить отношения до будущей победы КПК. Но амбиции китайских политиков оказались сильнее, и оба лидера Поднебесной пошли на эскалацию конфликта, в котором СССР до последнего удерживался от прямой, а главное — публичной помощи Мао, демонстрируя всему миру, что не заинтересован в его победе. Это позволило достичь важного для Мао Цзэдуна эффекта: Г. Трумэн в 1947—1948 гг. окончательно убедился, что китайский коммунизм имеет с демократией больше сходств, чем «милитаризм» Чан Кайши и лоббирование интересов Гоминьдана. Крупная помощь Гоминьдану в эти годы прекратилась, что сделало приход к власти Мао Цзэдуна неминуемым. Огромную роль в этом сыграл возросший авторитет Советского Союза в глазах китайского народа.

Завершив в мае 1945 г. освободительный поход в Европу, Вооруженные силы СССР также блестяще осуществили освободительную миссию и на Дальнем Востоке. Красной армией были непосредственно освобождены Северо-Восточный Китай и Северная Корея (до 38-й параллели), то есть территория общей площадью около 1,3 млн кв. км с населением свыше 40 млн человек⁴⁷.

Участие в разгроме милитаристской Японии рассматривалось в Советском Союзе в рамках общей борьбы антифашистской коалиции с агрессорами во Второй мировой войне, главной составляющей которой была Великая Отечественная война советского народа. Сознательно скрывая угрозой нападения значительные силы Красной армии на Дальнем Востоке и в Сибири, японское военно-политическое руководство тем самым фактически принимало участие в Великой Отечественной войне Советского Союза на стороне Германии, существенно увеличивая его людские жертвы и материальный урон и затягивая войну.

Решение о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке принималось в ходе вооруженной борьбы с фашистской Германией. Оно диктовалось не только союзническими обязательствами, но и задачами разгрома миллионной группировки коварного противника, угрожавшего на протяжении войны в европейской части СССР вооруженным нападением с востока на нашу страну, обеспечения на длительный период безопасности советских дальневосточных границ за счет создания добрососедских отношений с освобождаемыми народами. Результатом разгрома Японии явились ликвидация милитаристского режима в этом государстве, десятилетиями терзавшего и грабившего корейский, китайский и другие народы, предоставление возможности населению самой Японии встать на путь демократического развития.

Вступление СССР в войну позволило спасти сотни тысяч, если не миллионы жизней японцев. Понимание этого сохраняется в Японии, несмотря на пропаганду «ненужности и неправомерности» участия Советского Союза в военных действиях на Дальнем Востоке. Объективно мыслящие японские исследователи указывают: «В Японии немало тех, кто рассматривает вступление Советского Союза в войну как вероломный акт. Что ж, для японских милитаристов, стремившихся продолжать войну, возможно, это и выглядело как вероломство. Однако вступление в войну отнюдь не было вероломством в отношении стонавших под игом захватчиков и колонизаторов народов азиатских стран, а также для множества японцев, молившихся о скорейшем окончании войны. Поэтому обвинение Советского Союза в том, что на момент вступления в войну «еще сохранялся срок действия пакта о нейтралитете», есть не что иное, как формальный подход»⁴⁸.

Страны мира с большим воодушевлением восприняли известие об участии СССР в войне против Японии. В день объявления войны, 9 августа 1945 г., было сделано специальное заявление правительства Великобритании, в котором говорилось: «Война, объявленная сегодня Советским Союзом, является доказательством солидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия, которые будут содействовать установлению всеобщего мира. Мы приветствуем это великое решение Советской России»⁴⁹.

Влиятельная американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» отмечала в передовой статье: «Вряд ли можно сомневаться, что вступление Советского Союза в войну окажется решающим в военном отношении»⁵⁰.

Индийская газета «Лидер» писала 10 августа 1945 г.: «Сообщение о том, что Советский Союз решил проводить ту политическую линию, которая соответствует его собственным интересам и интересам угнетенных народов Азии, будет тепло встречено всеми азиатскими народами, которые верят в то, что русский народ свободен от расовых предрассудков. Вступление России в Тихоокеанскую войну оправдывает надежду, которую питали зависимые страны Азии».

Как освободителя приветствовали вступившую в войну с японскими захватчиками Красную армию народы поработанных стран Восточной Азии. В телеграмме от 9 августа президент Китайской республики Чан Кайши, в полной мере осознававший реальность длительного продолжения японской оккупации страны, писал И. В. Сталину: «Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления. От имени Правительства, народа и армии Китая имею честь выразить Вам, а также Правительству и героическому народу и армии Советского Союза искреннее и радостное восхищение»⁵¹.

Участие в разгроме Японии наряду с выполнением освободительной миссии соответствовало геополитическим интересам Советского Союза. Немаловажное значение имело то, что советское руководство не хотело быть отстраненным от послевоенного политического процесса в Восточной Азии, в первую очередь в Китае. И. В. Сталин не мог не знать, по крайней мере догадывался, что американцы намеревались после войны занять господствующее положение в этом обширном регионе мира, вытеснив оттуда все другие государства, в том числе своих союзников в годы войны — Великобританию, Францию и, уж конечно, СССР. Во время Каирской конференции 23 ноября 1943 г. президент США Ф. Рузвельт в беседе с глазу на глаз с Чан Кайши предложил китайскому лидеру заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории Китая, в том числе у советских границ, военных баз США. Чан Кайши с энтузиазмом приветствовал это предложение. При этом Порт-Артур и ряд других стратегически важных районов отдавались под прямое американское управление. Корейский полуостров предусматривалось оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками. Оба лидера договаривались и о том, что Франция лишится своих колоний в Азии. Рузвельт обещал сотрудничать с правительством Чан Кайши и в устранении британского влияния в Китае (Гонконг, Шанхай, Кантон). Малайя, Бирма, Индия также должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны, Чан Кайши ставил вопрос о помощи США во включении в состав Китая Монгольской Народной Республики. Рузвельт соглашался вести переговоры по этому вопросу с СССР⁵². С приходом к власти в США Г. Трумэна линия на обретение решающего влияния в Китае американцев усилилась. Ставилась задача всемерно поддержать войска, руководимые Чан Кайши, способствуя разгрому ими армий, возглавляемых китайскими коммунистами. Выполнение этой задачи требовало недопущения помощи КПК, включая и военную, со стороны Советского Союза. Именно поэтому, а не из боязни «коммунистической революции» в Японии, многие лидеры США на завершающем этапе войны уже гораздо меньше, чем ранее, желали участия СССР в военных действиях на Дальнем Востоке.

После капитуляции Японии Чан Кайши действительно предложил США создать в Китае сеть американских военно-морских и военно-воздушных баз, нацеленных против СССР. 30 сентября 1945 г. началась высадка морской пехоты США в Тяньцзине, а 10 октября воздушный десант американский войск оккупировал порт и город Циндао, крупный воздушный десант был выброшен в Пекине. Армейские части США принимали непосредственное участие в военных действиях гоминьдановцев против Народно-освободительной армии Китая. По некоторым данным, США за 1945—1948 гг. израсходовали на интервенцию в Китай 18 млрд долларов⁵³.

Одним из важнейших результатов участия СССР в войне на Дальнем Востоке явилась существенная помощь в укреплении позиций китайских коммунистических войск во временно оккупированном советскими войсками Северо-Восточном Китае, что способствовало победе КПК в гражданской войне, созданию Китайской Народной Республики и решительно изменило геополитическую ситуацию в Восточной Азии. С самого начала освободительной войны китайского народа против японских захватчиков Советский Союз оказывал Китаю всестороннюю крупномасштабную помощь. В условиях, когда над Китаем нависла реальная угроза полного порабощения японским империализмом, советская помощь стала источником снабжения сил национально-патриотического фронта, который позволил китайскому народу организовать сопротивление агрессору. Речь идет в первую очередь о военной помощи Советского Союза Китаю в 1937—1941 гг., которая сыграла значительную роль в срыве планов Японии на проведение молниеносной войны в этой стране, заложила прочные основы для стабилизации обстановки и наращивания в последующем борьбы национально-патриотических сил против оккупационных и марионеточных войск.

Вступление Советского Союза в войну против Японии, его позиция по отношению к китайскому революционному движению после разгрома японского милитаризма ознаменовали наступление качественно нового этапа советской интернационалистской политики

в отношении китайского народа. Помощь СССР на этом этапе сыграла решающую роль в обеспечении жизнеспособности революционных сил Китая в борьбе как с внешним, так и с внутренним противником.

Накануне вступления СССР в войну обстановка в Китае сложилась крайне тяжелая. В конце июля 1945 г. японские войска окружили в Маньчжурии крупные силы руководимой коммунистами 8-й армии. Только стремительное наступление советских войск спасло положение. В связи с этим командующий 8-й армией Чжао Вэньцзинь в письме советскому командованию сообщал: «Мы особенно благодарны Красной Армии Советского Союза. Мы были в исключительно трудном положении. Против нас были сосредоточены намного превосходящие силы противника, который нас окружил и отрезал все пути к отходу и сузил наши возможности маневрирования. Накануне 9 августа мы ломали головы над тем, как выбраться из этого тяжелого положения. Вступление Красной Армии Советского Союза на территорию Маньчжурии 9 августа коренным образом изменило соотношение сил. Мы из обороняющихся превратились в наступающих. Таким образом, Красная Армия нас спасла от гибели, и мы ей особенно благодарны»⁵⁴.

После капитуляции Японии на территории Китая фактически существовали два режима, имевшие свои вооруженные силы: в районах, контролировавшихся правящим Гоминьданом, и в освобожденных районах, находившихся под руководством КПК. Односторонний ввод американских войск на территорию Китая был чреват поражением коммунистических сил этой страны и установлением непосредственно у границ СССР недружественного проамериканского режима.

Соединенные Штаты действительно встали на путь открытой односторонней помощи гоминьдановскому правительству: они вооружили 45 гоминьдановских дивизий, участвовали в переброске войск Чан Кайши, заняли 90-тысячным корпусом морской пехоты ряд стратегически важных городов, портов и узловых пунктов на дорогах, осуществляли другую помощь⁵⁵. В этих условиях оппозиционные демократические силы, выстоявшие под руководством КПК в вооруженной борьбе с японским агрессором и сохранившие, несмотря на карательные акции со стороны гоминьдановских и марионеточных войск, контроль над обширными территориями Китая, выступая против любого иностранного вмешательства в дела Китая, могли надеяться только на помощь СССР. И она была предоставлена незамедлительно.

Во-первых, освобожденная советскими войсками совместно с воинами Монгольской Народной Республики Маньчжурия снова стала составной частью Китая и превратилась в мощную революционную базу, прочный тыл войск, руководимых КПК. Во-вторых, практически все оружие и боевая техника капитулировавшей Квантунской группировки войск были переданы командованию Объединенной демократической армии (ОДА) Северо-Восточного Китая. Благодаря этим и другим мерам воинские формирования КПК перешли к организации регулярной армии и значительно выросли в количественном и качественном отношении. Если в октябре 1945 г. в Маньчжурии имелось около 60 тыс. человек из состава войск, руководимых КПК, то к середине декабря — более 334 тыс., а в октябре 1947 г. — уже 456 тыс. человек, большей частью сведенных в регулярные формирования⁵⁶.

США с помощью войск Чан Кайши, а также долго не разоружавшихся бывших Экспедиционных сил Японии в Китае (в августе — октябре 1945 г., например, японская армия принимала участие в наступательных операциях против НОАК, заняв 19 контролировавшихся Компартией Китая городов)⁵⁷ спровоцировали осенью 1945 г. гражданскую войну. СССР стремился всемерно противодействовать такому курсу США. По предложению советского правительства в декабре 1945 г. на московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии обсуждалось положение в Китае и было принято решение, в котором руководители внешнеполитических ведомств «подтвердили свою верность политике невмешательства во внутренние дела Китая»⁵⁸, признали необходимость прекращения гражданской войны на его территории, объединения и демократизации всех органов Национального правительства Китая. На отдельном совещании руководителей внешнеполитических ведомств

СССР и США было достигнуто полное согласие в отношении желательности вывода из Китая советских и американских сил «в возможно кратчайшие сроки»⁵⁹. Хотя американское правительство и не вывело свои войска из Китая, оно не решилось на развязывание прямой интервенции против районов, которые контролировались КПК. Тем самым вследствие дипломатических усилий СССР были созданы благоприятные внешнеполитические условия для развития китайской революции.

Большое значение для укрепления Маньчжурской революционной базы имела советская помощь, поступавшая на Ляодунский полуостров, часть которого вместе с портом Дальний и военно-морской базой Порт-Артур согласно советско-китайскому договору от 14 августа 1945 г. была сдана в аренду СССР на 30 лет. В договорной зоне действовали КПК и демократические органы управления, китайские специалисты перенимали советский опыт гражданского и военного строительства, что им было крайне необходимо. Кроме того, Советский Союз поставлял на Ляодунский полуостров необходимые для функционирования китайских учреждений продовольствие, медикаменты и другие товары⁶⁰.

СССР оказывал и прямое содействие вооруженным силам КПК. В период продвижения гоминьдановских войск в Маньчжурию в 1945—1946 г. советская администрация договорной зоны Ляодунского полуострова не разрешила пользоваться портами Дальний и Порт-Артур для переброски войск, боеприпасов и снаряжения в центральные районы Северо-Восточного Китая. Наступавшим войскам Чан Кайши приходилось использовать для этих целей другие, менее удобные и хуже оборудованные порты, что снижало темпы их продвижения в Маньчжурию.

До прихода в Маньчжурию революционные войска не имели танков и авиации, артиллерия почти отсутствовала, пулеметов было крайне мало, а одна винтовка приходилась на десять бойцов. Кроме того, 150 тыс. человек 8-й и Новой 4-й армий, пришедших в Маньчжурию, оставили свое оружие в старых освобожденных районах и пришли совершенно безоружные. В этой связи неопределимое значение имела помощь СССР в оснащении вооруженных сил КПК в Маньчжурии оружием и военной техникой. По настоятельной просьбе руководства КПК советское командование передало в ее распоряжение оружие, боевую технику и снаряжение, захваченное советскими войсками. СССР предоставил ОДА сотни тысяч винтовок, а также более 3700 орудий, минометов и гранатометов, 600 танков, 861 самолет, около 12 тыс. пулеметов, около 680 различных складов, боевые корабли японской Сунгарийской флотилии⁶¹. Кроме того, переброшенные в Маньчжурию и не имевшие теплой одежды войска КПК были полностью экипированы Советским Союзом⁶². Несколько позже китайским вооруженным силам была передана и часть советского оружия. Фактически войска ОДА, которые впоследствии получили название 4-й полевой армии, ставшей ядром НОАК, были полностью вооружены и экипированы СССР.

В результате созданные при помощи Советского Союза регулярные войска и укрепленные местные формирования народных вооруженных сил смогли не только выстоять, но и развернули генеральное наступление против гоминьдановцев, увенчавшееся победой и образованием 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики.

Следует признать, что хотя И. В. Сталин избегал открытой демонстрации поддержки компартии Китая в борьбе за власть в стране, в конце концов ставка была сделана на лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна. Поэтому вступление в войну на Дальнем Востоке преследовало не только задачу скорейшего разгрома японских вооруженных сил, но и одновременно было направлено на создание в данном регионе выгодных для СССР военно-стратегических и политических позиций.

Согласие Москвы принять участие в войне против милитаристской Японии позволило надолго закрепить статус суверенного государства для союзной СССР Монгольской Народной Республики. Несмотря на китайское стремление аннексировать МНР, в Ялте Ф. Рузвельт заявил И. В. Сталину, что, по его мнению, «статус-кво Внешней Монголии должно быть сохранено». В соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока было внесено следующее положение: «Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монго-

лии... потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И. В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие»⁶³.

Огромную роль СССР сыграл в ликвидации японского колониального гнета в Корее. «Свободу и независимость, которых жаждал корейский народ, — отмечал корейский лидер Ким Ир Сен, — смогла принести ему только армия первого в мире государства победившего социализма. День освобождения Кореи великой Советской Армией — 15 августа 1945 года ознаменовал собой коренной перелом в истории Кореи. Советская Армия не только освободила Корею, но и защитила интересы корейского народа, чтобы плоды освобождения стали действительно его достоянием»⁶⁴.

Участие Вооруженных сил Советского Союза в разгроме японских войск в Корее не позволило американцам единолично оккупировать весь Корейский полуостров, выйдя на границу с СССР. Правительство США не могло воспротивиться продвижению советских войск на территорию Кореи, ибо это было согласовано еще на Ялтинской конференции. Тогда И. В. Сталин и Ф. Рузвельт согласились, что над Кореей будет установлена международная опека, а попечителями выступят Китай, Советский Союз и США. При этом советское руководство ратовало за создание на Корейском полуострове единого самостоятельного государства. В Ялте Сталин заметил Рузвельту, что «чем короче будет срок опеки, тем лучше»⁶⁵.

В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции советские войска нанесли ряд сокрушительных ударов в Корее, успешно высадили морские десанты в корейские порты Юки, Расин и военно-морские базы Сейсин и Гензан, а также воздушные десанты в Канко (Хамхын) и Хэйдзе (Пхеньян). Поражение японских войск в Северной Корее было столь сокрушительным, вызванное им потрясение в стане колонизаторов столь сильным, что справедливо говорить о развале под ударами Красной армии в августе 1945 г. военно-политической машины японского империализма в Корее и всей действовавшей несколько десятилетий системы колониального угнетения в этой стране. Высадка американских войск в Корее южнее 38-й параллели началась лишь спустя неделю после подписания Акта о капитуляции Японии⁶⁶.

Избавленный советскими войсками от японского колониального ига корейский народ получил возможность строить свою жизнь на демократической основе. С первых дней процесс перестройки корейского общества возглавили коммунисты, имевшие огромное влияние на всей территории страны. Были открыты перспективы для строительства на территории Кореи независимого, подлинно народно-демократического государства, для активного включения населения в политическую жизнь. На севере полуострова, куда вместе с советскими войсками прибыли и базировавшиеся на территории Дальнего Востока бойцы отряда корейских сил Сопротивления во главе с Ким Ир Сенем⁶⁷, начались аграрная реформа, национализация промышленности и другие мероприятия, заложившие основы для быстрого восстановления экономики и повышения уровня жизни населения.

Иная картина сложилась в Южной Корее, где был создан американский оккупационный режим. Развернувшееся здесь демократическое движение было ликвидировано в зародыше, в стране установился антинародный марионеточный режим прибывшего с американцами с Гавайских островов Ли Сын Мана, взявшего курс на закрепление раскола и объявившего 15 августа 1948 г. о создании в южной части страны Республики Корея. США и другие западные страны установили с РК дипломатические отношения. Тем самым формальный раздел Кореи превратился в юридически оформленный раскол страны⁶⁸.

В ответ на это, основываясь на результатах преобразований, произошедших под руководством корейских коммунистов во главе с Ким Ир Сенем, 9 сентября 1948 г. на территории Северной Кореи была образована Корейская Народно-Демократическая Республика и принята Конституция страны. Советский Союз первым признал молодое корейское государство, установив с ним дружеские отношения⁶⁹.

К сожалению, подогревавшаяся извне конфронтация между двумя корейскими режимами привела к широким военным действиям в 1950—1953 гг., длительному периоду застоя в движении корейского народа в демократическом направлении и к национальному объединению.

Параллельно с китайским и корейским вопросами лидеры США и СССР решали и проблему Курильских островов. Согласно ялтинским договоренностям лидеров трех великих держав все острова должны были отойти к Советскому Союзу, но в августе 1945 г. Г. Трумэн предпринял попытки нарушить соглашения, «забывая» указать в «Общем приказе № 1», что «японские гарнизоны на Курильских островах должны сдаваться и капитулировать перед войсками СССР»⁷⁰. Эту проблему удалось вернуть в русло ялтинских решений, но в праве участвовать в оккупации Японии (остров Хоккайдо) Советскому Союзу было отказано⁷¹. В «Общем приказе № 1» была решена и судьба Кореи: 38-я параллель указана как линия разделения при принятии капитуляции японской армии войсками СССР и США⁷². Однако следует подчеркнуть, что американские войска не принимали непосредственного участия в освобождении Кореи. Следовательно, их высадка 8 сентября 1945 г. преследовала не освободительную цель, а совершенно иную — помешать советским войскам и установить свою зону влияния на полуострове⁷³.

Очевидно, что по всем трем ключевым вопросам азиатского послевоенного устройства (Китай, Корея, Япония) шло противостояние советского и американского подходов. И только в Китае СССР удалось реализовать практически в полном объеме наиболее благоприятный для него вариант развития событий, когда само руководство США, в конце концов, было вынуждено отказаться поддерживать союзный режим Чан Кайши, тем самым временно устранившись от активного вмешательства в китайскую межпартийную борьбу.

Таким образом, на всех этапах противодействия японской агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе Советский Союз проводил последовательную политику, направленную на облегчение положения стран — жертв экспансии Японии, ослабление ее вооруженного натиска. Война Японии против Китая, вооруженные акции у границ СССР и в Монголии, как и завоевательные походы Германии в Европе, стали возможны главным образом в результате начатой в начале 1930-х гг. недалековидной умиротворенческой (и фактически антисоветской) политики стран Запада, которая привела в итоге к перерастанию очагов войны по обе стороны Евразии в мировой пожар, едва не погубивший и самих умиротворителей.

Не имея возможности из-за ведения кровопролитной войны с фашистской Германией и ее сателлитами на Западе подключиться к военным действиям союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре Второй мировой войны с самого их начала, СССР тем не менее, неся основную тяжесть борьбы против немецко-фашистских войск и оттягивая на себя крупную Квантунскую группировку армии Японии, оказывал союзникам по антигитлеровской коалиции неоценимую помощь. После разгрома Германии, учитывая неспособность США, Великобритании, Китая и других союзников даже с применением атомного оружия в короткие сроки принудить Японию к капитуляции и откликаясь на многочисленные и настойчивые их призывы подключиться к войне на Дальнем Востоке, СССР вступил в эту войну и мощными ударами разгромил костяк сухопутных войск Японии — Квантунскую группировку войск, предопределив тем самым ее общее поражение.

Выполняя гуманитарную миссию быстрейшего окончания Второй мировой войны и спасения в результате этого миллионов человеческих жизней, Советский Союз естественно и оправданно решал и задачи собственной безопасности, призванные обеспечить национальные и государственные интересы советского народа.

Вместе с тем вступление СССР в войну против Японии сыграло важную роль в освобождении народов Азии от колониального и оккупационного гнета, дало им возможность встать на новый путь развития. Победа над поработившей практически всю Восточную Азию милитаристской Японией явилась мощным импульсом для расширения освободительного движения народов этого региона мира, который вступил в полосу крупных социально-политических преобразований. Закалившись в борьбе сопротивления японским захватчикам, восточноазиатские народы направили свою энергию на прекращение колониальной зависимости от западноевропейских государств, достижение независимости. Морально-политическая, а затем и военно-экономическая поддержка национально-освободительной

борьбы народов со стороны Советского Союза, сыгравшего решающую роль в победе над фашистско-милитаристским блоком, неизмеримо повысила его международный авторитет, позволила установить с вновь образованными государствами Восточной и Юго-Восточной Азии дружественные, а в ряде случаев и союзнические отношения.

В результате разгрома милитаристской Японии стало возможным разрешить сложные территориальные вопросы. Для Советского Союза это проявилось в основанных на документах и договоренностях союзных держав антифашистской коалиции военного и послевоенного периодов возвращении южной части острова Сахалин и передаче ему также ранее принадлежавших России Курильских островов. Южную половину острова Сахалин Япония отторгла по результатам неудачной для России Русско-японской войны 1904–1905 гг., после чего японское обладание «обменными» в 1875 г. на согласие Японии не претендовать на Сахалин Курильскими островами потеряло юридическую основу. О намерении Советского Союза добиваться возвращения отторгнутых Японией российских Южного Сахалина и Курильских островов руководители СССР официально заявляли правительству Японии еще в 1940–1941 гг., когда решался вопрос, заключать между двумя странами пакт о ненападении или о нейтралитете. Было заявлено, что, так как заключение пакта о ненападении потребует разрешения указанной территориальной проблемы, целесообразно ограничиться соглашением о нейтралитете⁷⁴.

Вопрос о возмещении потерь России в Русско-японской войне западные союзники согласовали еще в 1943 г. во время Тегеранской конференции глав государств — членов антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобритании — И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Известно высказывание президента США Ф. Рузвельта по этому поводу: «Русские хотят вернуть то, что у них было отторгнуто»⁷⁵.

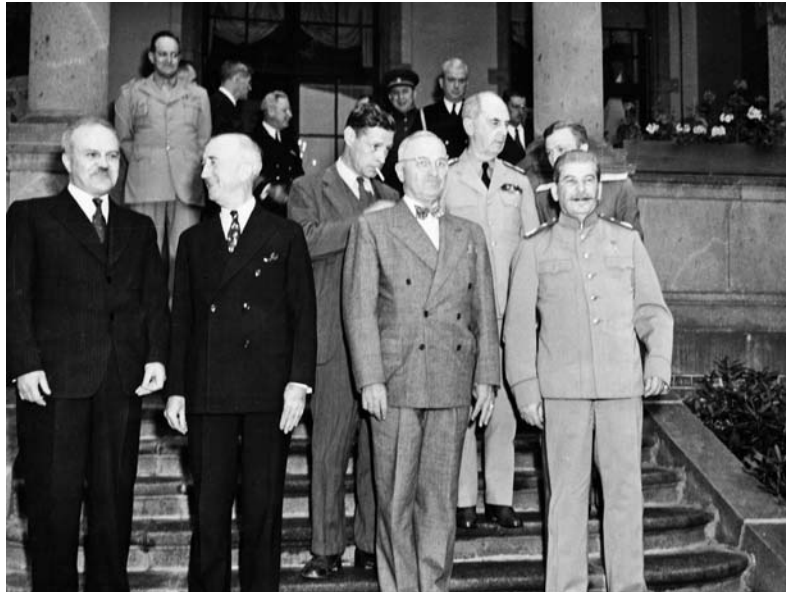
Окончательно вопрос о переходе по итогам войны Южного Сахалина и Курильских островов к Советскому Союзу и учете его интересов по другим вопросам был решен на Ялтинской (Крымской) конференции лидеров Большой тройки подписанием ими 11 февраля 1945 г. соглашения по вопросам Дальнего Востока⁷⁶.

Предъявленной японскому правительству Потсдамской декларацией от 26 июля 1945 г. о безоговорочной капитуляции предусматривалось ограничение суверенитета Японии островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами, указанными союзниками. Меморандумом верховного командующего оккупационными войсками в Японии генерала Д. Макартура правительству этой страны от 29 января 1946 г. определялось, что южная часть Сахалина и все Курильские острова, включая Малую Курильскую гряду (группа островов Хабомаи и остров Шикотан), выводились из-под суверенитета Японии⁷⁷.

Таким образом, в результате активного участия СССР в разгроме вооруженных сил милитаристской Японии на всем протяжении дальневосточной границы Советского Союза установился мир, была упрочена его безопасность. Через некоторое время после образования Корейской Народно-Демократической Республики и Китайской Народной Республики эти государства вступили в союзнические отношения с СССР, что в первые послевоенные десятилетия эффективно способствовало достижению баланса сил в регионе в условиях начатой западными державами холодной войны.

Возвращение в состав российской территории Южного Сахалина и Курильских островов позволило обеспечить выход в Тихий океан кораблей Военно-морского флота СССР, обрести вынесенный далеко за континент новый рубеж передового развертывания дальневосточной группировки сухопутных сил и военной авиации Советского Союза, а ныне Российской Федерации. Немаловажное значение имело и продолжает иметь хозяйственное освоение возвращенных территорий, в первую очередь в области рыболовства.

По мере того как возможность освобождения Красной армией стран Европы становилась все более реальной и приближалось время вступления СССР в войну с Японией, в стратегических концепциях и реальной политике правящих кругов западных союзников на передний план все более стали выдвигаться антисоветские мотивы, боязнь допустить ослабление позиций капитализма и укрепления влияния социализма в мире. Парадоксом,

И. В. Сталин, Г. Трумэн, Дж. Бирнс и В. М. Молотов у резиденции президента США на Потсдамской конференции

Делегации «Большой тройки» за столом переговоров в Потсдаме

однако, являлось то, что обеспечить сдерживающие, антикоммунистические, антисоветские по сути действия можно было только путем расширения военного сотрудничества с СССР, наращивания англо-американского военного вклада в систему общих усилий антигитлеровской коалиции в Европе. Именно в этих целях и был в июне 1944 г. открыт второй фронт: не допустить распространения «красной опасности» (уже не только в виде идеологии, но и через присутствие солдат Красной армии) на просторах всей Европы.

В правящей верхушке Англии и США было немало сторонников заключения сепаратного мира с Германией вопреки ранее принятому решению союзников о ее безоговорочной капитуляции. Особенно опасным был инцидент с переговорами главы американской резидентуры в Швейцарии А. Даллеса с высокопоставленным генералом СС К. Вольфом в феврале — марте 1945 г., о чем стало известно советской разведке. Советскому Союзу пришлось настойчиво добиваться завершения войны именно путем разгрома фашистского режима, а не каким-либо иным способом. Это было необходимо в том числе и для того, чтобы не позволить сохранить нацистское государство в Германии и впоследствии использовать его в качестве противовеса Советскому Союзу.

Победа над Германией стала тем рубежом («холмом», по словам У. Черчилля), стоя на котором, западные державы решали для себя: отвечает ли сложившийся в годы Второй мировой войны союз реалиям послевоенного времени? По мнению британского лидера, «уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству». Главными среди «решающих практических вопросов стратегии и политики» Великобритании и США в этой новой ситуации У. Черчилль видел следующие: «Во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения»⁷⁸.

Понимая невозможность без Советского Союза быстрого разгрома дальневосточного агрессора и одновременно боясь укрепления позиций СССР в Восточной Азии, союзники вновь попытались пойти на сговор, теперь уже с японцами. Ситуация с сепаратными переговорами повторилась летом 1945 г., в период подготовки и проведения Потсдамской конференции союзников, одним из вопросов которой было согласование деталей вступления Советского Союза в войну против Японии. Единственной возможностью предотвратить участие СССР в войне, а значит, и ослабить его роль в решении проблем послевоенного устройства в Азиатско-Тихоокеанском регионе было склонение Японии к капитуляции без развертывания масштабных военных действий на сухопутных ТВД и в Японской метрополии. Однако отчаянная попытка склонить Японию к сепаратному миру за спиной Советского Союза (который, будучи верным союзническим решениям добиться от Японии только безоговорочной капитуляции, не пошел на переговоры с бывшим японским премьер-министром Ф. Коноэ), предпринятая в швейцарском Бёрне тем же А. Даллесом, не дала результата⁷⁹.

Согласно официальной англо-американской историографии западных союзников, стремящихся присвоить себе лавры победителей, «день победы над Японией» — 14 августа 1945 г., к тому времени Япония действительно прекратила военные действия против американско-английских войск. Но война еще продолжалась на территориях Северо-Восточного, Северного и Центрального Китая и Кореи, на Южном Сахалине и Курилах. Соединенные Штаты после 14 августа не раз пытались оказать давление на Советский Союз с целью прекращения наступательных операций Красной армии против японских войск, хотя те отказывались капитулировать перед советскими войсками. 16 августа 1945 г. президент США Г. Трумэн, несмотря на ранее достигнутые договоренности, заявил, что Япония не будет, подобно Германии, разделена на оккупационные зоны, одна из которых должна была контролироваться советскими войсками, и вся японская территория останется под контролем американского командования. Подобная позиция означала отказ американского правительства от принципа

союзного контроля в послевоенной Японии, предусмотренного Потсдамской декларацией от 26 июля 1945 г., что отрицательно сказалось впоследствии на процессе демилитаризации дальневосточного агрессора.

История взаимодействия США, Великобритании и СССР в вопросах обеспечения совместной победы над германским нацизмом и японским милитаризмом свидетельствует о том, что, несмотря на существовавшие, казалось бы, непримиримые политические и идеологические противоречия, при взаимном уважении интересов друг друга координация усилий великих держав в достижении мира и безопасности народов не только возможна, но и весьма эффективна. В сотрудничестве союзников в годы войны нашла свое выражение в целом разумная и реалистическая политика государственных деятелей трех стран. Можно лишь сожалеть, что последующие события привели не к развитию этих тенденций, а к политике холодной войны, которая охватила практически всю планету.

Борьба за Победу после Победы

С подписанием 2 сентября 1945 г. Акта о капитуляции Японии закончилась Вторая мировая война. Весна и лето 1945 г. вошли в историю как время полного разгрома нацистской Германии и краха милитаристской Японии. Прошли десятилетия, и вот, предав забвению неоспоримые факты истории, отдельные политики и историки как стран бывших союзников, так и наших бывших противников пытаются порознь и совместными усилиями исказить не только причины и истоки минувшей войны, но и ее ход и последствия, умалить вклад Советского Союза в разгром Германии и Японии и их союзников.

Решающая роль Советского Союза в победе над фашизмом, его помощь другим странам Евразии в освобождении от нацистско-милитаристского нашествия признавались и признаются всеми объективными исследователями. С нападением фашистской Германии на СССР и началом Великой Отечественной войны центр вооруженной борьбы во Второй мировой войне переместился на советско-германский фронт. Есть много свидетельств политических и военных деятелей, историков разных стран, которые признают эту роль советского народа, влияние побед Вооруженных сил Советского Союза на фронтах Великой Отечественной на обстановку в различных районах мира и на ход вооруженной борьбы на других театрах военных действий, в том числе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Решающую роль СССР в годы войны не раз подтверждали и лидеры стран — союзниц по антигитлеровской коалиции. Президент США Ф. Рузвельт в телеграмме генералу Д. Макартуру 6 мая 1942 г. отмечал: «С точки зрения большой стратегии ясен простой факт — русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые»⁸⁰.

27 сентября 1944 г. У. Черчилль в послании И. В. Сталину писал: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»⁸¹.

Отечественные историки, в свою очередь, отдают должное вкладу в достижение общей победы над агрессорами всех стран и народов антигитлеровской коалиции, но решительно выступают против тех западных историков и так называемых «историков либеральной волны» на постсоветском и постсоциалистическом пространствах, которые принижают или искажают значение борьбы Советского Союза, его народа и вооруженных сил в той войне.

Особенно наглядно это стало просматриваться в американской историографии 1950—1980-х гг., когда труды, изданные в разгар холодной войны, были подчинены ее интересам. Отойдя от прежних трезвых оценок, они стали освещать Вторую мировую войну, и в частности военные события на Европейско-Атлантическом и Азиатско-Тихоокеанском

театрах, с агрессивных наступательных идеологических позиций той «войны без выстрелов», в которой непостижимым образом поменяли свои роли бывшие союзники и противники. В последние годы вновь появились труды, авторы которых стремятся объективно отразить перипетии вооруженной борьбы того времени. Однако их попытки абстрагироваться от вопросов большой политики не всегда ведут к истинному результату.

Иногда встречаются утверждения, проскальзывавшие на страницы книг, изданных в Советском Союзе (России), будто бы западная историография фальсифицирует лишь политическую сторону войны, а ход военных действий освещает более или менее объективно и достоверно. Несостоятельность подобных суждений становится очевидна прежде всего при глубоком ознакомлении с самой исторической литературой, о которой идет речь, а также и потому, что допускается сама возможность исследования вооруженной борьбы вне зависимости от политики, в отрыве от нее. В действительности за многие годы холодной войны ее активные деятели на поприще истории искажали не только вопросы политики, социологии, но и истории военной стратегии, оперативного искусства, тактики. Часто это являлось следствием научной несостоятельности или узкой профессиональной подготовки исследователей. Гражданскому историку весьма сложно достаточно глубоко проникнуть в сущность процесса вооруженной борьбы, вскрыть его закономерности. С другой стороны, сугубо военный по образованию исследователь далеко не всегда оказывается в состоянии проникнуть в глубины понимания причинных, узловых связей процесса вооруженной борьбы с процессами экономическими, социально-политическими, психологическими и другими. Это, естественно, ведет к неточностям в освещении характера операций, сражений, боев, к неверным трактовкам и оценкам. Однако наряду с такого рода ошибками и «искренними» заблуждениями имели и продолжают в некоторых трудах иметь место сознательное замалчивание или искажение «неудобных» фактов, прямая фальсификация истории, приспособление ее к арсеналу идеологической борьбы.

Вполне объяснимо, что военная историография различных стран имеет свои особенности, специфику в отборе событий, их освещении и собственные критерии для анализа и оценок. Исследователи из различных стран западного мира — участниц Второй мировой войны нередко дают искаженную трактовку важнейших событий той войны под влиянием заказа правительственных либо иных организаций, комитетов, фондов, которые не требуют проведения объективного анализа материала и заинтересованы лишь в подкреплении исторической «фактурой» заранее сформулированной концепции. Именно по этому пути пошла военно-историческая наука США.

Значительное место в американской историографии принадлежит «официальным» историкам (в том числе и современным), то есть тем, кто занимал должности в государственном департаменте или на военной службе и, перейдя в ведомственные военно-исторические научно-исследовательские центры, получил задание изложить версию дипломатических, политических, экономических и собственно военных событий, соответствующую взглядам и оценкам американского правительства. Труды таких авторов, как правило, насыщены обилием фактов, конкретики военных событий на определенных театрах военных действий, но слабо связаны с общей логикой многообразных международных и внутривнутриполитических процессов, оказывающих существенное влияние на ход и результаты вооруженной борьбы. Именно такая деформация методологии военно-исторических исследований стала характерной для западной историографии в годы холодной войны.

В развернувшейся идеологической борьбе главными задачами фальсификаторов истории и итогов Второй мировой войны стали принижение значения Великой Отечественной войны, вклада СССР в общую победу и, соответственно, превознесение роли и значения в ее достижении западных участников антифашистской коалиции, в первую очередь США.

В годы Второй мировой войны на Западе признавали решающую роль происходящих на советско-германском фронте сражений для разгрома фашистской Германии. В выступлении по радио 29 июля 1943 г. президент США Ф. Рузвельт сказал, что «решающие бои происходят в настоящий момент в России»⁸². А сразу после окончания Второй мировой войны адмирал

У. Леги, возглавлявший в военные годы Комитет начальников штабов США, подчеркнул: «Если бы не блестящие военные подвиги России, у союзников осталось бы очень мало надежд на победу»⁸³. «Героических русских товарищей, внесших величайший вклад в общую победу», не мог не упомянуть и премьер-министр Великобритании У. Черчилль в выступлении 8 мая 1945 г.⁸⁴

Таким образом, значение действий СССР для победы над фашизмом признавали как лидеры стран-союзниц, так и общественность стран Запада. Можно выделить два ключевых момента завершающего этапа войны, когда определяющая роль СССР не только не оспаривалась союзниками, но и всячески подчеркивалась: это падение Берлина и вступление Советского Союза в войну против Японии. Так, 2 мая 1945 г. американские газеты вышли с громкими заголовками: «Красная Россия объявляет: Берлин пал. Конец войны скоро»⁸⁵, «Красные разгромили крепость в столице врага!»⁸⁶. В статьях на первых полосах американских газет описывались достижения Вооруженных сил СССР как за годы войны, так и в период Берлинской операции. Но уже 8–9 мая 1945 г. ситуация в СМИ США начала меняться: везде стал подчеркиваться коллективный вклад в победу, отдельно говорилось об американской роли, а успехи Советского Союза не освещались⁸⁷.

Похожим образом реагировали американские СМИ на вступление СССР в войну с Японией. 8 августа подавляющее большинство американских и канадских периодических изданий писало об этом в восторженных тонах: «Красные в войне с япошками», «Русские объявили войну Японии», «Россия в войне с Японией», «Россия объявила войну Японии»⁸⁸. Однако уже 10–15 августа 1945 г. акценты начали меняться: атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки стала представляться как главное средство, ускорившее капитуляцию Японии⁸⁹. На доказательство данного тезиса были направлены не только военные отчеты 1945–1946 гг., но и послевоенная американская историография⁹⁰.

Холодная война, сопровождавшаяся острой идеологической борьбой, оказала существенное влияние на концептуальное осмысление Второй мировой войны в англоязычной исторической литературе⁹¹. Прежде всего война стала интерпретироваться как столкновение стран «свободного мира с силами тоталитаризма». В этой системе координат место Советского Союза оказалось неопределенным. С одной стороны, прямо отрицать участие СССР в антигитлеровской коалиции, вычеркнуть Советский Союз из числа победителей в тот период было невозможно. С другой стороны, причисление нашей страны к тоталитарным государствам подразумевало рассмотрение советских военных и политических усилий обособленно, за рамками пресловутого «свободного мира», куда СССР по политическим и идеологическим причинам уже «не вписывался». Гегемонистские претензии США в послевоенном мире, процесс постепенного наделяния их правами морального арбитра также не могли не опираться на распространение и утверждение соответствующих исторических представлений. В результате американская историография Второй мировой войны органичным образом вписалась в возникновение феномена «мягкой силы», под которым специалисты имеют в виду способность Соединенных Штатов влиять на глобальные процессы без применения принуждения и опираясь лишь на привлекательность своих национальных институтов, конституционных прав, достижений в области экономики и социальной обеспеченности⁹².

Главными элементами теоретического осмысления роли Соединенных Штатов в войне стали концепции «арсенала демократии» и «решающих битв» («поворотных пунктов»)⁹³. Доказательство решающей роли США в войне явилось декларируемой целью ряда исторических сочинений⁹⁴, а история сражений на советско-германском фронте попросту замалчивалась: называя Пёрл-Харбор поворотным пунктом войны⁹⁵, многие авторы не считали при этом нужным даже упомянуть о нападении Германии на Советский Союз. В результате в общественном сознании на Западе сформировалось такое представление о Второй мировой войне, в котором трагедии и подвигу народов Советского Союза нет места. «Большинством западных читателей, — констатировало в 1978 г. английское издательство «Арм энд армор пресс» в аннотации на опубликованную им книгу «Русский фронт», — не осознан тот факт, что исход Второй мировой войны был решен на Востоке в ходе самой колоссальной в военной истории военной кампании»⁹⁶.

Утверждается, что произведенной США техники и военных материалов оказалось достаточно не только для нужд американской армии, но и для того, чтобы обеспечить армии Великобритании, СССР и даже Китая⁹⁷. Характерно в этой связи безапелляционное высказывание американского историка К. Хоу: «победа на всех фронтах» была обеспечена благодаря «американской промышленности, американским ресурсам и американским людским резервам»⁹⁸. Концепция «арсенала демократии» стала также неотъемлемым элементом американской как научной⁹⁹, так и учебной литературы по истории¹⁰⁰.

С объективной точки зрения, однако, претензии на то, что вклад США был «абсолютным» и «решающим», не имеют оснований: основные силы вермахта были разгромлены на советско-германском фронте оружием советского производства. Кроме того, развертывание военной экономики США в тех масштабах, в которых это имело место, стало возможным благодаря героической борьбе народов Советского Союза, принявших на себя основной удар сухопутных армий Германии и ее сателлитов. Это осознавалось, кстати, ответственными лицами, руководившими военным производством США в те годы. В итоговом «Обзоре военного производства США за 1940—1945 гг.», подготовленном его управлением, в частности, сказано: «Инициатива, находившаяся в руках стран «оси» на первых этапах войны, была вначале вырвана у них русскими зимой 1941—1942 гг. и окончательно осенью 1942 г. Значение этих событий для нашего военного производства состояло в том, что мы получили больше времени, и в том, что был уменьшен потенциал наших военных усилий на Европейском театре»¹⁰¹.

Теория «решающих битв» также способствовала обоснованию решающего вклада США в победу над странами агрессивного блока, но уже с точки зрения действий вооруженных сил¹⁰². В соответствии с этой концепцией выделяется несколько «решающих битв» («великих кампаний»), результаты которых предопределили победу антигитлеровской коалиции. К их числу относят кампанию вермахта в Польше в 1939 г., «битву за Британию», немецкий десант на острове Крит, сражения за Коррехидор, Сталинград, атолл Тарава (некоторые бои за атолл называют «фундаментом победы 1945 г.»)¹⁰³, десанты в Сицилии и Нормандии, морское сражение в заливе Лейте, Арденны и Окинаву¹⁰⁴. Другие авторы предпочитали говорить о поворотных пунктах, имея в виду сражения, результаты которых внесли решающий вклад в ход войны. К ним относят, например, сражения за Гуадалканал, Эль-Аламейн, Тунис, Сталинград, а также морское сражение в Баренцевом море¹⁰⁵.

Наиболее часто в числе поворотных пунктов назывались сражения под Эль-Аламейном, в Тунисе (Североафриканский театр), морское сражение у атолла Мидуэй, бои за остров Гуадалканал (Тихоокеанский театр)¹⁰⁶ и только одна битва, Сталинградская, на советско-германском фронте¹⁰⁷. При этом зачастую утверждалось, что в стратегическом плане и в смысле истощения ресурсов оси победа под Эль-Аламейном была более результативной, чем битва за Сталинград¹⁰⁸. Опорой в данном случае служили преувеличенные данные о численности капитулировавших в Тунисе немецких и итальянских войск¹⁰⁹. Особо выделяется морское сражение у острова Мидуэй (1942) как «одно из действительно решающих событий войны»¹¹⁰, как «действительно решающая битва»¹¹¹. Другие авторы для характеристики прибегали как к образным выражениям: «поворот прилива»¹¹², «когда дым битвы развеялся, для Восходящего солнца начался закат»¹¹³, так и простым констатациям: «первое действительно сокрушительное поражение японцев»¹¹⁴, «решающая битва»¹¹⁵, «перелом в войне, поворотный пункт, предопределивший окончательное поражение Японии»¹¹⁶. Все эти оценки берут свое начало из пропагандистских материалов военного времени¹¹⁷.

Игнорирование важнейших критериев при сопоставлении событий (количественные и качественные характеристики задействованных сил, пространственный и временной размах, нанесенный противнику людской, материальный и моральный ущерб, а главное — вытекающие из этого стратегические и политические результаты) приводило, таким образом, к преуменьшению значения крупнейших сражений на советско-германском фронте.

Концептуальное осмысление истории внешней политики и стратегии США в годы войны традиционно основывалось на утверждении об их соответствии принятым Соединенными Штатами союзническим обязательствам и подчиненности первоочередной задаче разгрома

Германии как основной силы фашистско-милитаристского блока¹¹⁸. «Американское командование, сознавая подавляющее превосходство США в экономической мощи и стремясь избежать затяжной войны, хотело как можно скорее сосредоточить всю мощь США против главного противника — Германии. Для достижения этой цели и быстрого окончания войны с меньшими потерями США были готовы временно уступить Японии такие стратегические позиции, как, например, Филиппинские острова, и подвергнуться риску понести значительные потери в начальный период, чтобы не расплывать свои силы»¹¹⁹. Американские историки настойчиво повторяют, что принцип «сначала Германия» был основным в стратегии США во Второй мировой войне¹²⁰. В то же время, оправдывая позднее открытие второго фронта в Европе, они утверждают, что усилия администрации Рузвельта в этом направлении блокировались позицией Великобритании; кроме того, создать новый фронт против Германии в 1942 и 1943 гг. было якобы невозможно из-за отсутствия необходимых сил и средств.

В американской историографии эта точка зрения получила широкое развитие и обоснование¹²¹. Не меньшее распространение имеет и версия о нехватке у США и Англии сил и средств для открытия второго фронта в 1942–1943 гг., «распыленности» людских ресурсов и авиации, недостатке эскортных судов и десантных высадочных средств, делавших невозможным вторжение в Европу ранее 1944 г.¹²² В то же время американские историки избегали объяснения причин такого положения дел. «Важнейший принцип англо-американской стратегии, — говорилось в одном из документов Вашингтонской конференции, — состоит в том, чтобы отвлекать от использования в операциях против Германии лишь минимум сил, необходимых для обеспечения жизненно важных интересов на других театрах»¹²³.

Но США фактически отказались от провозглашенного принципа. В 1942 г. на Тихом океане было сосредоточено 60% сухопутных сил и авиации США, в 1943 г. — более 50%¹²⁴. Такая концентрация сил и развертывание американских военных операций на Тихом океане означали затягивание сроков открытия второго фронта. Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом и Курском, а также в Северной Африке, утрата Японией стратегической инициативы на Тихом океане, общий рост военного могущества антигитлеровской коалиции обеспечивали условия для создания значительного превосходства сил и средств западных союзников на любом театре военных действий.

С начала 1970-х гг. в англо-американской историографии происходило постепенное расширение тематических рамок, проявилось стремление отойти от идеологических канонов холодной войны и объективно осветить значение операций и битв, происходивших на советско-германском фронте, глубже анализировать особенности и характерные черты жизни Советского Союза в годы войны, мотивы его внешней политики в тот период. В одном из традиционных обзоров литературы о Второй мировой войне, публикуемых журналом «Америкэн историкл ревью», отмечалось: «Война (в России. — *Прим. ред.*) велась совершенно независимо от войны на Западе и была по любым критериям самым большим, кровопролитным и решающим театром второй мировой войны. По сравнению с этой войной все усилия союзников на Западе имели карликовые размеры»¹²⁵. В число поворотных пунктов включалась и битва под Москвой. «Немецкое вторжение в Россию и крупнейшие затем в истории войн битвы на суше имели политические, психологические и военные результаты глобального значения»¹²⁶.

Вполне очевидна несопоставимость масштабов, а главное — результатов и военно-политических последствий битв и сражений на советско-германском фронте с операциями англо-американцев в Северной Африке, между которыми едва ли не ставят знак равенства¹²⁷. Операция под Эль-Аламейном ни по масштабам, ни по результатам не имела и не могла иметь поворотного значения в войне. Думается, Д. Эйзенхауэр был близок к истине, когда расценил победу под Эль-Аламейном как тактический успех¹²⁸.

На протяжении всего своего существования советско-германский фронт был главным по числу вовлеченных войск, продолжительности и напряженности борьбы, именно здесь Германия и ее европейские союзники понесли основные потери в живой силе и технике. Тем не менее, даже соглашаясь, что «восточный фронт был доминирующим» в войне против

Германии, зарубежные историки не спешат признавать решающим вклад СССР в общую победу. Некоторые из них, например, для определения подлинного вклада СССР в войну предложили учитывать более важные факторы, чем цифры, а именно: «Русские сражались на протяжении всей войны на одном сухопутном театре, почти ничего не внесли в стратегическую воздушную войну и еще меньше в войну на море... Даже вклад в войну на суше советской стороны не был настолько весомым, как это может показаться на первый взгляд»¹²⁹. Такого рода оценки, без сомнения, обусловлены стремлением представить США в качестве «главного архитектора победы», сыгравшего «главную роль в окончательном исходе войны»¹³⁰.

Этой цели служат и утверждения, будто победы Красной армии в 1943–1945 гг. были невозможны без «помощи западных союзников, без воздействия западных бомбардировок Германии, без кампаний в Африке, Италии, Западной Европе и на Дальнем Востоке»¹³¹. Особенно часто западные авторы писали о благотворном воздействии поражения немецких войск в Арденнах на успех Висло-Одерской операции Красной армии в 1945 г.: разгром в Арденнах англо-американцами наиболее боеспособных сил вермахта «гарантировал успех Красной армии на востоке»; наступление советских войск в Польше стало возможным только потому, что «все немецкие армии были скованы на Западе».

После высадки англо-американских союзников в Нормандии, как и прежде, судьбу войны решал советско-германский фронт. Здесь на 1 июля 1944 г. находилось 2160 тыс. личного состава сухопутных сил Германии, а на западном и итальянском — только 892 тыс., то есть в 2,5 раза меньше¹³². Среднемесячные потери вермахта на советско-германском фронте во второй половине 1944 г. составляли более 200 тыс. человек и вдвое превышали потери, которые ему наносили армии западных союзников¹³³. Летом и осенью 1944 г. Красная армия с боями продвинулась на запад, вышла к границе Германии в Восточной Пруссии, разгромив врага и очистив от него Белоруссию, почти всю Советскую Прибалтику, восточные районы Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии, полностью освободила Румынию и Болгарию. За это время было уничтожено и пленено 96 дивизий и 24 бригады, разгромлено 219 дивизий и 22 бригады противника¹³⁴. В Западной Европе войскам США, Англии и Франции противостояли в основном плохо обученные и недостаточно вооруженные войска вермахта, что, по признанию гитлеровского генерал-фельдмаршала Г. Клюге, сделанному в августе 1944 г., явилось «неизбежным следствием отчаянного положения на Востоке»¹³⁵.

К началу сентября немецко-фашистские войска, оставив Францию, отошли к западной границе Германии и, опираясь на полуразрушенные довоенные укрепления линии Зигфрида, перешли к обороне. В то время отлично вооруженным войскам союзников, имевшим в своем составе более 2 млн человек, противостояли примерно 700 тыс. немецких солдат и офицеров, имевших всего 100 танков и штурмовых орудий. На Западе лишь немногие способны осознать колоссальные масштабы войны на Востоке. «Германия проиграла Вторую мировую войну на полях России, а не в живых изгородях Нормандии»¹³⁶.

В последние десятилетия введение в научный оборот новых российских исследований и документов позволило ряду западных историков более тщательно, а главное — непредвзято охарактеризовать вклад Советского Союза в победу над фашизмом. Во многих современных работах признается ключевое, определяющее значение усилий СССР в войне и общей победе, отмечается решающая роль важнейших сражений на советско-германском фронте. О Сталинграде говорится как о «поворотном пункте всей войны», после которого войска Германии «начинают отступление, закончившееся в Берлине в мае 1945 г.»¹³⁷ В новом энциклопедическом издании «Вторая мировая война» сражения за Сталинград и Курск указываются как ключевые, заставившие вермахт отступить¹³⁸. В новейших исследованиях Сталинградская битва традиционно выделяется как «наиболее важное сражение войны», битвам под Курском и на Днепре отводится более скромное место¹³⁹. Характерно, однако, что многие авторы отходят от старой версии концепции решающих битв, показывая, что судьба если не всей войны, то противостояния на советско-германском фронте определилась под Сталинградом в 1942–1943 гг. В ряде обобщающих трудов восточный фронт характеризуется как главный фронт Второй мировой войны, «наиболее кровопролитный» и «стоивший Гер-

мании 80% всех потерь»¹⁴⁰. При этом признается, что основой обеспечения успехов Красной армии на протяжении всей войны была советская военная промышленность¹⁴¹, поставки же по ленд-лизу дополняли советское военное производство¹⁴². Без помощи союзников, утверждают западные историки, советско-германское противостояние было бы более кровавым, тяжелым, но итоговая победа все равно досталась бы СССР¹⁴³. Отметим, что результаты новых исследований в США нередко попадают в СМИ, в том числе в солидные издания. Так, в журнале «Тайм» от 23 мая 2008 г. было отмечено, что «по задействованным силам, технике, продолжительности, территориальному размаху и потерям Восточный фронт более чем в 4 раза превосходил Западный фронт»¹⁴⁴.

Что касается роли СССР в достижении победы над Японией, то тон в деле принижения советского вклада в эту победу задал не кто иной, как американский президент Г. Трумэн, в свое время вслед за Ф. Рузвельтом весьма настойчиво добивавшийся вступления Советского Союза в войну против Японии. В 1947 г. он заявил, что «Россия не внесла никакого военного вклада в победу над Японией»¹⁴⁵. С тех пор в западной, в первую очередь в американской, историографии стали появляться разного рода теории и версии, призванные фальсифицировать военно-политические события Второй мировой войны на Востоке. В последнее время и некоторые «новые западники», в частности польские историки, помогают ей в этом¹⁴⁶. Был принят на вооружение целый арсенал аргументов, принижающих роль советско-германского фронта и влияние его на ситуацию на других фронтах Второй мировой войны, перечеркивающих решающее значение операций Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке для завершения в кратчайшие сроки и с наименьшими потерями разгрома Японии и доказывающих «исключительные» заслуги американских вооруженных сил в принуждении Японии к капитуляции.

Роль Советского Союза в разгроме милитаристской Японии западная историография старается или исказить, или не заметить, или принизить. Американские, английские историки, а вместе с ними и гоминьдановские на Тайване и в Гонконге нередко идут на прямую фальсификацию.

Выше на конкретных примерах уже говорилось о том, что участие Советского Союза в войне против Японии было обусловлено неоднократными просьбами руководителей союзных государств на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Они мотивировали это недостатком собственных сил и средств, трудностями войны с Японией, особенно на континенте и в собственно метрополии, что повлекло бы многомиллионные человеческие жертвы, в том числе не менее 1,5 млн солдат и офицеров их армий. По многочисленным оценкам союзников, война на Востоке могла затянуться еще по крайней мере на 1,5–2 года, а по прогнозам многоопытного главнокомандующего вооруженными силами союзников на АТТВ американского генерала Д. Макартура, военное противостояние, учитывая фанатизм японского солдата, могло бы продлиться еще 5–7 лет¹⁴⁷.

Однако вот уже более 65 лет в ряде работ вслед за Г. Трумэном повторяется мысль о ненужности советского участия в разгроме Японии или его незначительности. Так, генерал Д. Макартур, «позабыв» о своих прогнозах 1945 г. и рекомендации не высаживать американские войска на Японские острова до начала Советским Союзом военных действий, в 1960-х гг. писал: «Хотя в 1941 г. я настаивал на участии России в войне, чтобы отвлечь японские силы от южной части Тихого океана и Юго-Восточной Азии, к 1945 г. ее участие стало ненужным»¹⁴⁸. Об этом же говорится и в книге «Россия: настоящее и прошлое», вышедшей в 1986 г. в Лондоне и Нью-Йорке: «После капитуляции Германии Советский Союз присоединился к коалиции против Японии — шаг, представляющийся излишним в военных условиях, создавшихся после уничтожения Хиросимы и Нагасаки»¹⁴⁹. 8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии. Он это сделал вслед за атомной бомбардировкой Хиросимы с тем, чтобы обеспечить себе участие в войне прежде, чем Япония капитулирует или будет разгромлена, как утверждают авторы американской военной энциклопедии¹⁵⁰.

Грубо фальсифицируются и мотивы вступления СССР в войну против Японии. Японская газета The Japan Times, затрагивая вопрос о ялтинском соглашении руководителей великих

союзных держав, пишет что «в конце концов Сталин настоял на «кровавой сделке» в Ялте в 1945 г., потребовав для себя территории в Азии в обмен на решение об объявлении войны Японии, а угасающий Рузвельт оказал этим требованиям слабое сопротивление»¹⁵¹. В статье под названием «Проблемы Токийского трибунала», опубликованной в японском журнале *Japan Echo*, приводятся яростная критика и обвинения в адрес СССР. Утверждается, что участие советской стороны в войне с Японией явилось «мстью за японскую войну 1904—1905 гг. и сибирскую экспедицию 1918—1922 гг. (под которой следует понимать вооруженную интервенцию Японии на Дальнем Востоке и в Сибири. — *Прим. ред.*)»¹⁵².

Помимо приемов фальсификаций, косвенно принижающих роль Советского Союза в войне, применяются и другие формы искажения истины. Среди них наиболее распространены утверждение, что будто бы вступление Советского Союза в войну против Японии не вызывалось политикой, которую вело японское правительство в ходе войны, особенно в последний период, и миф о том, что Советский Союз вступил в войну с Японией тогда, когда та была уже разгромлена союзными силами при решающей роли США. И, наконец, нередко муссируется тезис о понимании японцами неотвратимости и неотразимости военных операций вооруженных сил США на Японских островах, что якобы и обеспечило принятие условий капитуляции до их вторжения.

В отечественной историографии¹⁵³ признаются крупный, решающий вклад США в общую победу над Японией, успехи американских военно-морских и военно-воздушных сил в разгроме японского флота и авиации в акватории Тихого океана, осуществлении экономической блокады Японских островов. Но невозможно признать истиной существующую в Америке версию, что вооруженная борьба на Азиатско-Тихоокеанском театре войны из-за его специфики и отдаленности от Европейско-Атлантического театра носила совершенно независимый характер, являлась самостоятельной войной и что результаты борьбы достигались лишь усилиями американской стороны. При этом описание военных действий против Японии, как правило, ограничивается Тихоокеанской войной. Именно этот лейтмотив лежит в основе рассуждений, например, современного официального историка США Р. Спектора в его крупной работе о войне на Тихом океане под амбициозным названием «Орел против Солнца»¹⁵⁴. Он умалчивает о коалиционном характере войны и действиях других союзников, особенно об усилиях Советского Союза. Ни слова не сказано о вкладе СССР в разгром Японии и в работах других американских исследователей¹⁵⁵. В них дается лишь констатация факта вступления СССР в войну против Японии в августе 1945 г. (без оценки его значения для разгрома все еще мощных сухопутных войск Японии на континенте и принуждения ее к капитуляции).

Всячески преувеличивая и, по сути дела, абсолютизируя роль Соединенных Штатов, американская историография тем самым проводит линию на умышленное принижение вклада Советского Союза и его вооруженных сил в разгром милитаристской Японии. Несостоятельность этой позиции проявляется прежде всего в произвольном подборе и толковании фактов, в отрыве их от предшествующего хода событий, что в конечном счете разрывает всю логику взаимосвязи явлений и не позволяет проследить диалектику их развития: каковы они были в прошлом, какими стали в дальнейшем и в результате чего произошло то или иное качественное изменение во Второй мировой войне в целом и в войне против Японии в частности. Это особенно наглядно прослеживается в официальных изданиях.

Однако неумолимые факты истории говорят о том, что США реально начали влиять на ход Второй мировой войны лишь после того, как в ней произошел коренной перелом. Исследования отечественных и ряда зарубежных, в том числе первые послевоенные труды американских, авторов убедительно свидетельствуют о том, что до конца 1943 г. военно-политическое руководство США на Тихоокеанском театре ограничивалось проведением оперативного-тактического действий на периферии захваченной японцами огромной территории. Основное же время, полученное в результате наступившей передышки в боевых действиях после горьких неудач начального периода войны, оно использовало для создания сухопутных войск, наращивания мощи своих военно-воздушных сил и восстановления флота, понесшего, как и британский флот, тяжелые потери в начале Тихоокеанской войны.

И эту жизненно важную передышку для накопления сил и перехода к наступательным операциям на Тихоокеанском театре военных действий Соединенным Штатам предоставил СССР, его вооруженные силы, которые, по признанию американского президента Ф. Рузвельта, в то время не только «удерживали свой фронт», а точнее — вели невиданную по ожесточенности и кровопролитию борьбу на советско-германском фронте, но и уничтожали больше войск противника, чем все остальные союзники по антигитлеровской коалиции¹⁵⁶.

Основная слабость версии «отдельной», «американской» войны против Японии состоит в том, что в ней игнорируется главная, кардинальная особенность Второй мировой войны — ее коалиционный характер, а следовательно, и взаимообусловленность результатов вооруженной борьбы на различных ее театрах. Поэтому рассматривать события на Азиатско-Тихоокеанском театре войны в отрыве от хода и результатов вооруженной борьбы на главном, советско-германском фронте — значит, допускать принципиальную ошибку.

Значение борьбы Вооруженных сил СССР состояло, однако, не только в том, что они «удерживали свой фронт» против фашистской Германии и ее европейских союзников, не давая им возможности оказать помощь своему азиатскому союзнику и позволяя США концентрировать основные усилия на вооруженной борьбе против Японии, но и в том, что советско-германский фронт имел определяющее значение для всей Второй мировой войны. Поэтому и результаты борьбы на этом фронте давали о себе знать на других театрах войны. Это особенно наглядно проявилось в том существенном влиянии, которое оказали сталинградская катастрофа немецко-фашистских войск и их разгром под Курском на стратегическую обстановку такого отдаленного и, казалось бы, «независимого» театра войны, как Азиатско-Тихоокеанский.

И в этой ситуации ряд американских, английских и некоторых других историков вопреки неопровержимым фактам и здравой логике пытается объяснить причины изменения характера вооруженной борьбы на Тихом океане некоторыми событиями локального характера, имевшими место до победы советских войск под Сталинградом, в частности результатами боевых действий американских сил флота и авиации у атолла Мидуэй (4–5 июня 1942 г.), а также происходившими в период Сталинградской битвы затяжными действиями американского десанта на острове Гуадалканал (август 1942 — февраль 1943 г.). Так, упоминавшийся выше П. Далл операцию у Мидуэя называет «фантастической», «решающей битвой», давшей неоспоримое преимущество американскому флоту¹⁵⁷. Некоторые современные исследователи утверждают, что «сражение близ Мидуэй... стало поворотным пунктом в борьбе за Тихий океан»¹⁵⁸, а «после эвакуации японских войск с Гуадалканала... война для нее (Японии. — *Прим. ред.*) была окончательно проиграна»¹⁵⁹. Несоизмеримость указанных и других событий войны на Тихом океане с масштабами, результатами и последствиями Сталинградской битвы и любой другой стратегической наступательной операции Вооруженных сил СССР на советско-германском фронте делает подобные утверждения неубедительными.

За время Сталинградской битвы, например, фашистский блок потерял четвертую часть сил, действовавших на советско-германском фронте. Потери противника убитыми и ранеными, пленными и пропавшими без вести составили около 1,5 млн солдат и офицеров, в том числе в результате стратегической наступательной операции советских войск — более 0,8 млн человек¹⁶⁰.

Необоснованность утверждений о «решающем значении» победы американцев у атолла Мидуэй становится очевидной при анализе соотношения сил сторон по количественному составу флота, который в условиях вооруженной борьбы на Тихоокеанском театре имел особую роль. Как известно, это соотношение после боев у атолла в пользу США не изменилось. Не изменился и характер боевых действий войск союзников — они по-прежнему вели оборонительные бои. Американский адмирал Ф. Шерман в первые послевоенные годы назвал то время в действиях ВМС США «периодом застоя». Он писал: «В период... который начался после сражения за остров Мидуэй, основной целью нашей стратегии была защита коммуникаций... Наша слабость в авианосцах препятствовала наступлению в более или менее значительном масштабе»¹⁶¹. Не внесла «коренного перелома» в обстановку на театре войны с

Японией и высадка американцев на остров Гуадалканал. Президент США Ф. Рузвельт в своем докладе конгрессу 7 января 1943 г. подчеркивал, что успехи у островов Мидуэй и Гуадалканал были, «по существу, оборонительными» и «являлись частью стратегии сдерживания, которая характеризовала эту фазу войны»¹⁶².

Решение японской императорской ставки об отказе на некоторых фронтах от наступательной стратегии и переходе к обороне, принятое в трудный для американцев момент (31 декабря 1942 г., когда американская операция на Гуадалканале захлебнулась), объясняется только одним: японское военно-политическое руководство отчетливо сознавало, что если Германия ослабнет (а именно это и произошло), Япония в самый короткий срок окажется одна перед всемирной коалицией. Поэтому не случайно в конце 1942 — начале 1943 г. в Токио активизировалась деятельность политических группировок, выступавших за выход страны из войны, а 1 марта 1943 г. в Берлин была направлена специальная комиссия во главе с генералом К. Окамото для изучения способности Германии к сопротивлению.

После Сталинградской битвы и битвы за Кавказ был окончательно сорван стратегический план Германии и Японии, предполагавший раздел Евразийского континента на две колоссальные зоны влияния по 70 меридиану, итогом первого этапа которого должна была стать триумфальная встреча немецких и японских войск в Индии¹⁶³.

СССР оказывал мощное влияние не только на характер вооруженной борьбы на Тихом океане, но и на ее размах. В этой связи следует напомнить, что лидеры Японии никогда не оставляли планов расширения своей империи за счет советской территории. У восточных границ СССР в ожидании благоприятного момента для нападения находилась в постоянной боевой готовности примерно миллионная группировка японских сухопутных войск. Это вынуждало советское правительство на протяжении всей войны держать на Дальнем Востоке крупные силы (30—50 дивизий только сухопутных войск), способные отразить возможный удар японцев с маньчжурского плацдарма, Сахалина и Курил.

Это обстоятельство объективно порождало и обратную зависимость, непосредственно влиявшую на характер и масштабы войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе: отлаженная машина — Квантунская группировка японских войск, которая могла бы значительно расширить и без того большой размах и эффективность вооруженной борьбы Японии против Соединенных Штатов, Китая, Великобритании, до наступления «благоприятного момента» оказывалась в бездействии. И бездействовала она не по своей воле — против нее стояла сильная группировка советских войск. Даже во второй половине 1942 г., то есть в самый критический момент для западных союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре войны, а для СССР — на советско-германском фронте, Советский Союз держал на Дальнем Востоке против японской группировки почти столько войск и боевой техники, сколько имели на театре Соединенные Штаты и Англия вместе взятые.

Наличие такой крупной советской группировки на Дальнем Востоке объективно оказывало неоценимую помощь союзникам СССР по антигитлеровской коалиции на протяжении всей войны на Азиатско-Тихоокеанском театре. Западная историография при рассуждениях о единоличном вкладе США в победу над Японией обычно «забывает» учитывать этот немаловажный и постоянно действовавший фактор и делает акцент на отказе СССР вплоть до августа 1945 г. от непосредственного участия в военных действиях против Японии.

Правительство СССР по понятным причинам не могло в то время пойти навстречу предложениям союзников. С июня 1941 до июня 1944 г., то есть до открытия второго фронта в Европе, Советский Союз один на один вел тяжелейшую борьбу с войсками главной группировки агрессивного фашистско-милитаристского блока. Поэтому, неся основную тяжесть войны, СССР не мог одновременно вступить в войну против Японии, хотя и оказывал существенную помощь Китаю в его борьбе против японского агрессора. Только после того, как усилиями Советского Союза был достигнут коренной перелом в войне, глава советского правительства на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) дал принципиальное согласие на вступление в войну против Японии, обусловив его сроки капитуляцией главного врага — нацистской Германии.

В начале 1945 г., когда война в Европе переместилась полностью на территорию Германии и участь последней была практически предreshена, милитаристская Япония оставалась значительной преградой на пути к долгожданному миру. Курс на затяжную войну, который Япония избрала в конце 1944 г., требовал от союзников эффективных мер, способных в максимально короткое время положить конец кровопролитию. Подобные меры были окончательно согласованы на Крымской (Ялтинской) и Потсдамской (Берлинской) конференциях великих держав, на которых были определены конкретные сроки и условия вступления Советского Союза в войну против Японии, приведшего к ее скорой капитуляции.

В китайской историографии был период (1970-е), когда произошел резкий поворот от объективной оценки роли СССР в судьбе китайской революции, от добрых слов признания его освободительной миссии и интернационалистской помощи к необоснованным нападкам. Причиной этого явились обострение отношений Китая с Советским Союзом и нормализация отношений с США. Лишь начиная с 1983 г. можно отметить тенденцию возврата к отдельным позитивным оценкам, хотя все еще нередки негативные высказывания. В то же время при освещении истории американо-китайских отношений многие китайские исследователи часто или воздерживаются от критических оценок, или сопровождают их «всепрощающими» выводами о том, что всё «плохое», исходившее от Соединенных Штатов по отношению к Китаю, «отошло в прошлое»¹⁶⁴.

Центральная газета «Жэньминь жибао» высоко оценила роль СССР во Второй мировой войне: «Когда в 1941 г. вспыхнула советско-германская война, основные силы германской армии были направлены на восток, и советско-германский фронт стал основным фронтом мировой антифашистской войны, тем фронтом, где решалась судьба войны»¹⁶⁵.

В одной из работ, посвященных истории Второй мировой, отмечается, что «победа под Сталинградом повлекла за собой коренные изменения в развитии антифашистской войны. Эта битва явилась поворотным пунктом мировой антифашистской войны. Она прямо повлияла на развитие событий на Дальнем Востоке»¹⁶⁶. Китайские исследователи, признавая решающую роль Советского Союза во Второй мировой войне, влияние его крупных побед на ход всей войны, отдают должное непосредственной помощи китайскому народу в борьбе за национальное освобождение: заключению «Советско-китайского договора о ненападении» в августе 1937 г.; предоставлению правительством СССР Китаю займов и поставке самолетов, артиллерии, другого вооружения; посылке в Китай советских военных специалистов и советников, а также прибытию в Китай большого количества добровольцев¹⁶⁷.

В китайской исторической литературе подчеркивается, что «активность и вклад в антифашистскую войну участников антифашистской коалиции неодинаковы. Наибольшую решительность и активность показали советская Красная армия и антияпонские вооруженные силы, руководимые Коммунистической партией Китая»¹⁶⁸.

Однако начав в конце 1970-х гг. пересматривать взгляды на мировую войну и участие в ней китайского народа, историки Китая по-прежнему убеждают читателя, что почти каждое событие китайского фронта имело мировое значение. Если же говорится о фронте освобожденных районов в борьбе против Японии, то он неизменно ставится на одно из первых мест среди фронтов и театров военных действий Второй мировой войны¹⁶⁹. Борьба китайского народа истощала силы японцев и приковывала к себе основную массу японских сухопутных войск. Поэтому японские милитаристы не посмели начать наступление против Советского Союза, а устремились в южном направлении. Но и там помощь союзникам со стороны Китая была огромна — таков лейтмотив работ большинства современных китайских исследователей¹⁷⁰.

В зарубежной историографии время от времени появляются высказывания о том, что атомная бомба решила исход войны, так как дала якобы ощутимый военный эффект и предоставила императору Хирохито шанс оправдать в глазах народа решение о капитуляции, и что применение бомбы было гуманно с точки зрения человеческой морали, ибо она «явила собой средство предотвращения любой войны»¹⁷¹.

В США многие смотрят на атомные бомбардировки японских городов до сих пор как на крайнее средство, которое пришлось применить, чтобы заставить сдаться врага, намеренного

сражаться до последнего. Часть исследователей считает, что окончательная ответственность за случившееся лежит на японском правительстве и Хирохито, который решил в июне поставить под ружье почти все население, в том числе большую часть женщин, и драться до конца. Вина в том, что Япония, несмотря на ожидавшиеся огромные жертвы, в конце июля 1945 г. отказалась прекратить сопротивление, отклонив Потсдамскую декларацию США, Великобритании и Китая, действительно лежит исключительно на военно-политическом руководстве страны. Однако было ли это достаточным основанием использовать атомное оружие для принуждения Японии к капитуляции в условиях, когда руководство США знало о готовившемся вступлении в ближайшие дни в войну против Японии СССР?

Применение принципиально нового оружия огромной разрушительной силы оказалось действительно неожиданным для противника. Однако ни первый, ни произведенный 9 августа по Нагасаки второй атомные удары не привели к немедленной капитуляции Японии. У. Черчилль был вынужден признать: «Было бы неправильно полагать, что атомная бомба решила судьбу Японии»¹⁷². По расчетам американского военного руководства, для обеспечения высадки десанта на Японские острова потребовалось бы по меньшей мере девять бомб, в то время как примененные атомные бомбы были единственными, которыми они располагали¹⁷³.

Профессор новой истории Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Ц. Хасэгава в интервью The Associated Press заявил: «Вступление Советского Союза в войну внесло намного больший вклад в капитуляцию Японии, чем атомные бомбы. Оно лишило Японию надежды на выход из войны при посредничестве Москвы. Однако и сам факт вступления в войну СССР не заставил японское руководство сразу же заявить о безоговорочной капитуляции». Об эффекте, который произвело молниеносное продвижение советских войск в Маньчжурии, по мнению Хасэгавы, свидетельствуют слова японского премьер-министра К. Судзуки, убеждавшего свое правительство пойти на капитуляцию: «Если мы упустим сегодня эту возможность, Советский Союз захватит не только Маньчжурию, Корею и Сахалин, но и Хоккайдо... Мы должны закончить войну, пока мы еще можем иметь дело с Соединенными Штатами»¹⁷⁴. Имперское командование верило, что Япония сможет сопротивляться вторжению союзников, если сохранит контроль над Маньчжурией и Кореей, снабжавшими Японию ресурсами на ведение войны.

Атомные бомбардировки не оказали на японскую нацию такого морально-психологического и военно-политического эффекта, на который рассчитывали американские и британские правящие круги. Это объясняется следующими причинами.

Высшие военно-политические руководители Японии, в частности император, узнали о характере удара, нанесенного по Хиросиме, лишь 8 августа, спустя два дня после применения атомной бомбы. Получив эту информацию, находившийся в бомбоубежище император заявил: «Если противник применяет такого рода оружие, войну продолжать невозможно. Но для того, чтобы добиться выгодных условий, немедленно прекращать войну нельзя. Что касается условий, то, как только появится возможность маневрировать на переговорах, можно будет сразу же прекратить войну»¹⁷⁵. То есть японское руководство все еще надеялось на переговоры.

Японский народ узнал о трагедии Хиросимы и Нагасаки лишь после окончания войны и в основной своей массе никак не прореагировал в те несколько дней, пока еще не было принято решение капитулировать, на атомные удары.

Не дали атомные бомбардировки и ощутимого военного результата. Главнокомандующий 2-й объединенной группировкой войск (в нее входили войска двух фронтов), штаб которой находился в Хиросиме, фельдмаршал С. Хата, прибыв в Токио 7 августа, доложил, что хотя его штаб находился недалеко от центра взрыва, постройки разрушены мало, а число погибших солдат незначительно, причем пострадали только те, кто не был защищен. В целом, по его мнению, Хиросима потеряла крупный ущерб, но не больший, чем другие города от массированных налетов авиации¹⁷⁶ («ковровые бомбардировки» к этому времени практически разрушили Токио и унесли более 900 тыс. жизней мирных японцев)¹⁷⁷. О таких эффектах ядерного взрыва, как остаточная радиация и радиоактивное заражение местности, японцам (как, впрочем, и американцам) в то время известно не было.

Новое оружие было применено почти исключительно против мирного населения, а не вооруженных сил, подавляющая часть личного состава которых оказалась, как и основная масса населения, в неведении относительно характера примененного оружия и, следовательно, вне физического и психологического воздействия.

Правительство Японии скрыло от народа факт атомной бомбардировки Хиросимы. Императорская ставка сообщила лишь о том, что на Хиросиму сброшена бомба нового типа, нанеся значительные потери. Органы противовоздушной обороны опубликовали для успокоения населения инструкцию, рекомендовавшую меры предосторожности. В инструкции говорилось, например, что достаточно надеть белую одежду или укрыться в убежище, чтобы избежать опасности. Военное командование ограничилось лишь посылкой в Хиросиму комиссии для расследования. Оно по-прежнему было занято подготовкой к решительному сражению на территории Японских островов и в Маньчжурии. Правительственные органы также слабо реагировали на это событие, не был собран даже кабинет министров, а намеченное заседание высшего совета по руководству войной не состоялось¹⁷⁸.

Слепая вера некоторых представителей американского руководства во всемогущество атомной бомбы, таким образом, не оправдала себя. Достаточно сказать, что в Хиросиме уцелели почти все крупные заводы на окраинах и 94% работавших на них людей, а железнодорожное сообщение через город было восстановлено уже через 48 часов. Чтобы полностью вывести из строя Нагасаки, потребовалось бы еще несколько бомб, которых американцы тогда не имели¹⁷⁹.

Факты свидетельствуют о том, что даже за один-два месяца до вступления Советского Союза в войну в американском ОКНШ применение атомного оружия ни в малейшей степени не рассматривалось как средство не только достижения, но и ускорения победы над Японией. Даже после того, как в Потсдам поступило сообщение о том, что 16 июля, за день до открытия конференции, проведено успешное испытание атомной бомбы и президент США услышал 21 июля общее мнение своих ближайших советников о необходимости ее применения, это ни в коем случае не расценивалось как реальная альтернатива вторжению союзников на Японские острова. В американском руководстве и даже у военных специалистов, касавшихся ядерных разработок, не было четкого представления о поражающих факторах атомного взрыва, кроме, пожалуй, его ударной силы и светотеплового воздействия. В связи с тем, что никто в Потсдаме не мог разъяснить, какой эффект может дать бомба с точки зрения «физической и психологической», было принято решение продолжать подготовку к вторжению¹⁸⁰. На конференции был одобрен уже давно разработанный план. Тем самым даже на этой последней стадии вопрос о применении атомной бомбы полностью находился за рамками сугубо военного планирования¹⁸¹.

В своих мемуарах президент США Г. Трумэн, которого, как следует из свидетельств ряда его приближенных, мучила моральная сторона применения оружия массового уничтожения¹⁸², пишет, что одной из важнейших для него задач в Потсдаме было «получить лично от Сталина подтверждение о вступлении России в войну против Японии»¹⁸³.

Понимая необходимость вступления СССР в войну и не представляя себе иначе быстрого ее окончания, руководители США, как и их британские союзники, никак не могли смириться с мыслью о том, что это даст Советскому Союзу, спасающему ценой собственных новых жертв жизни миллионов людей, определенные политические дивиденды. В то же время они понимали, что без вступления СССР в войну «последнее предупреждение» Японии не возымеет действия. Собственно, так и произошло, когда, не согласовав предварительно текст с Советским Союзом и не заручившись его подписью, союзники решили в ходе работы Берлинской конференции огласить 26 июля 1945 г. от имени США, Великобритании и Китая Потсдамскую декларацию, содержащую требование к Японии принять безоговорочную капитуляцию.

Но в Потсдамской декларации ни слова не говорилось об атомной бомбе, хотя при подготовке ультиматума и высказывались предложения заявить о ней в этом берлинском документе¹⁸⁴. Отказ союзников в Потсдаме пойти на смягчение для Японии условий прекращения

войны и идея припугнуть ее атомной бомбой предрекали отрицательную реакцию японского руководства на содержащиеся в декларации требования. А это неизбежно ставило вопрос о вступлении СССР в войну в практическую плоскость. В этой ситуации единственным способом ограничить последствия советского вмешательства в ход событий и одновременно продемонстрировать свое военное могущество было применение в расчете на возможный психологический эффект атомного оружия¹⁸⁵.

Американские исследователи справедливо считают, что окончательное решение об атомных бомбардировках Японии Г. Трумэн принял еще за несколько дней до оглашения Потсдамской декларации, по итогам обсуждения детальной информации о результатах испытания атомной бомбы, поступившей в Потсдам 21 июля¹⁸⁶. Советники Г. Трумэна, как, собственно, и сам президент, считали, что атомная «бомба должна быть использована в качестве мощного сдерживателя на пути советской экспансии в Европе, где красная волна уже успешно поглотила Румынию, Болгарию, Югославию, Чехословакию и Венгрию»¹⁸⁷. Американские военные специалисты и политики считали, что атомные бомбардировки будут менее эффективны по разрушающей силе, чем намечавшиеся на 1 ноября 1945 г. бомбардировки Японии в период вторжения¹⁸⁸. Однако, как полагал госсекретарь Дж. Бирнс, атомная бомба нужна была скорее для того, чтобы «сделать Россию более управляемой в Европе», чем для того чтобы нанести поражение Японии¹⁸⁹.

Следует иметь в виду, что американцы не хотели усиления влияния кого бы то ни было, в том числе англичан, и на дела в Азии. Вашингтон был заинтересован в завершении политического устройства в западной части Тихого океана «раньше, чем слишком много... союзников будут втянуты в дела здесь и внесут существенный вклад в поражение Японии»¹⁹⁰. Именно такие рекомендации были подготовлены президенту ко времени работы Потсдамской конференции. И они, безусловно, сыграли определенную роль в принятии Г. Трумэном решения ускорить применение атомных бомб, первая из которых была сброшена на Хиросиму 6 августа. Однако прошел и этот, и второй, и третий день, а ни малейшего намека на готовность Японии к безоговорочной капитуляции из Токио не поступило.

Более того, применение американцами атомных бомб лишь подтолкнуло японцев к ускорению, правда безуспешно, собственной программы создания аналогичного оружия, завершить которую генеральный штаб требовал не далее чем через шесть месяцев. Однако руководитель атомного проекта заявил: «Не только шести месяцев, но и шести лет не хватит... У нас нет ни урана, ни электричества». Несмотря на это, работа была продолжена¹⁹¹. Это явилось одной из причин того, что правительство Японии все еще не соглашалось на оккупацию страны войсками противника.

Атомные бомбы при всем желании руководства США не могли заменить массовые армии, и подготовка к их применению не повлияла на разгром Германии, решающий вклад в победу над которой Советского Союза очевиден. Не поставило их боевое использование на колени и Японию. Располагая довольно сильными сухопутными войсками, она продолжала сопротивление. Вступление 9 августа 1945 г. Советского Союза в войну против Японии в корне изменило ситуацию, лишило ее основного козыря в ставке на переговоры — сухопутных войск. В этот же день на экстренном заседании высшего совета по руководству войной японский премьер-министр К. Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»¹⁹².

Ошибочно, однако, считать, что для того, чтобы заставить Японию капитулировать, достаточно было бы лишь одного объявления ей войны Советским Союзом. Несмотря на то что через сутки после этого японский министр иностранных дел С. Того заявил советскому послу: «Японское правительство готово принять условия Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., к которой присоединилось и Советское правительство»¹⁹³, это все же было лишь заявление о «готовности», не подкрепленное реальными действиями, даже наоборот — вновь препровожденное рядом предварительных условий. Только получив молниеносный сокрушительный удар и понеся невосполнимый урон в первые же дни наступления советских войск,

император Хирохито подписал 14 августа рескрипт о капитуляции, о чем на следующий день им было объявлено по японскому радио.

Капитуляция милитаристской Японии, таким образом, есть важнейший военно-политический итог вступления Советского Союза в войну и непосредственный результат решительных военных действий Вооруженных сил СССР в Дальневосточной кампании, которая была спланирована и осуществлена вне какой-либо привязки к перспективам и результатам использования Соединенными Штатами атомного оружия, в условиях, когда на других фронтах активные военные операции союзниками не велись.

Совершенно очевидно, что, сбрасывая атомные бомбы на японские города, вашингтонские руководители фактически целились в Советский Союз. К такому выводу пришли японские ученые, которые отмечают, что применение атомных бомб было не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой операцией по устрашению в начинавшейся холодной войне против СССР¹⁹⁴.

* * *

Таким образом, сразу после общей победы войск антигитлеровской коалиции над силами агрессивного блока развернулась острая борьба за почетный титул страны, внесшей решающий вклад в ее достижение, «борьба за Победу после Победы», выражаясь современным языком — за ее «приватизацию», присвоение ее политических дивидендов. Уж слишком велик оказался в глазах народов мира авторитет Советского Союза, в зоне ответственности которого были решены главные проблемы вооруженного, экономического и политико-идеологического противоборства с фашистской агрессией против мира и человечности.

Вынеся основную тяжесть кровопролитной борьбы на Европейском театре военных действий, сковывая на протяжении всей Второй мировой войны, а затем и разгромив крупнейшее стратегическое объединение японской армии — миллионную Квантунскую группировку войск, Советский Союз внес существенный вклад в достижение победы над общим врагом.

Однако верность СССР своим союзническим обязательствам не помешала руководству США и Великобритании сменить партнерские отношения на конфронтацию. Наиболее чудовищной по отношению к своему союзнику следует признать разработку во время еще продолжавшейся мировой войны плана войны против СССР, который Черчилль с полным пониманием дела назвал «Unthinkable» («Немыслимое»). После подписания Акта о капитуляции Германии по указанию У. Черчилля разработкой этого плана в экстренном порядке занялись специалисты штаба объединенного планирования военного кабинета Великобритании. Несмотря на фундаментальную разработку сценария войны с Советским Союзом, предусматривавшего использование против СССР войск бывшего общего врага — Германии, и согласование его деталей с Вашингтоном (план операции «Unthinkable» был рассекречен в Великобритании в 1999 г., но оказался раскрыт советской разведкой уже в мае — июне 1945 г.)¹⁹⁵, союзники так и не осмелились ввергнуть мир в новую «горячую» войну. Однако так называемый «жесткий курс» Г. Трумэна в отношении СССР, в конечном итоге, привел к развязыванию зарождавшейся еще в годы Второй мировой не менее непримиримой холодной войны, которая в последующие десятилетия во многом определяла характер всей мировой политики. Мир пережил, к сожалению, не ослабление военной опасности, как того можно было ожидать после кошмаров мировой войны, а ее эскалацию, бурный рост количества локальных войн и вооруженных конфликтов, превышающий все предшествующие периоды мировой истории. Появились новые виды и формы силового противоборства, менее очевидные, закамуфлированные и потому создающие дополнительные сложности в борьбе с ними.

Известно, что следы войны «горячей» или «холодной» остаются надолго, а причиненное зло на многие десятилетия переживает саму войну. Отсюда очевидно, что, несмотря на прошедшие десятилетия после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн, борьба с искаженным отражением исторической действительности, изучение и критическое осмысление итогов и уроков минувшей войны являются актуальными задачами и сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 10, 11, 12. М., 1979, 1980, 1982.
- ² Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). М., 1995. С. 245.
- ³ *Никифоров Ю. А.* Великая Отечественная война и «новая» историография // «Вставай, страна огромная...» Материалы международной научной конференции. Севастополь, 2011. С. 224.
- ⁴ Цит. по: *Мягков М. Ю.* Проблемы послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях 1941–1945 гг. М., 2006. С. 150.
- ⁵ Цит. по: *Мягков М. Ю.* В поисках будущего: американские оценки участия СССР в послевоенном устройстве Европы 1941–1945 гг. // 65 лет Великой Победы. В 6-ти т. Т. V. М., 2010. С. 115.
- ⁶ Цит. по: там же.
- ⁷ *Робертс Дж.* Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 75.
- ⁸ *Лавринович М.* Изобретая «железный занавес»? Будущее послевоенной Европы в документах НКВД // Неприкосновенный запас. 2002. № 4 (24). С. 67; *Наринский М. М.* Советское руководство и проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 гг. // 65 лет Великой Победы. Т. III. М., 2010. С. 52.
- ⁹ АВП. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1–41.
- ¹⁰ Roberts G. Stalin's Wars: From World War to Cold War. Yale University Press, 2006. P. 219–220.
- ¹¹ Освободительная миссия советских Вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. М., 1985. С. 18–19.
- ¹² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. В 12-ти т. М., 1974. Т. 8. С. 153.
- ¹³ Освободительная миссия советских Вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. С. 28.
- ¹⁴ Освободительная миссия советских Вооруженных сил на Балканах. М., 1989. С. 47.
- ¹⁵ Освободительная миссия советских Вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. С. 105.
- ¹⁶ Белградская операция. М., 1990. С. 93.
- ¹⁷ *Гиренко Ю. С.* Советско-югославские отношения. М., 1983. С. 85.
- ¹⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1946. Т. 2. С. 236.
- ¹⁹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 3. М., 1999. С. 223.
- ²⁰ ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 120. Л. 382.
- ²¹ Освободительная миссия советских Вооруженных сил на Балканах. С. 170.
- ²² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 359.
- ²³ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 10. М., 1980. С. 212.
- ²⁴ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6-ти т. Т. 4. М., 1962. С. 435.
- ²⁵ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 215. Л. 44–47.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Советско-венгерские отношения 1945–1948 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 27–29.

- ²⁸ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 239–240.
- ²⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. С. 362.
- ³⁰ Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945. Документы и материалы. М., 1993. С. 609–610.
- ³¹ Там же.
- ³² СССР — Австрия. Документы и материалы. М., 1980. С. 20–21.
- ³³ Там же. С. 622–623.
- ³⁴ US Library of Congress Country Study: «Finland, The Effects of the War».
- ³⁵ Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сборник документов. М., 1997. Документ № 243. С. 318.
- ³⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. С. 135.
- ³⁷ Освободительная миссия советских Вооруженных сил в Европе во Второй мировой войне. С. 462.
- ³⁸ Там же. С. 464.
- ³⁹ Известия. 1945. 5 июля.
- ⁴⁰ *Щербаков В. И.* Заполярье — судьба моя. Мурманск, 1994. С. 466.
- ⁴¹ *Севостьянов Г. Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969; *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979; СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945. М., 2001; *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. М., 2007.
- ⁴² Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 4-х т. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 94.
- ⁴³ *Тайсон-Ли Л.* Мадам Чан Кайши // Пер. с англ. М., 2008. С. 293.
- ⁴⁴ *Панцов А. В.* Мао Цзэдун. С. 495.
- ⁴⁵ Там же. С. 496.
- ⁴⁶ *Тайсон-Ли Л.* Мадам Чан Кайши. С. 322.
- ⁴⁷ Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1977. С. 118.
- ⁴⁸ Цит. по: Ниссо хэйва-но дзёкэн (Условия мира между Японией и Советским Союзом). Токио, 1987. С. 183–184.
- ⁴⁹ Цит. по: Известия. 1945. 10 августа.
- ⁵⁰ In: The New York Herald Tribune. 1945. August 10.
- ⁵¹ Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2-х кн. М., 1973. Кн. 2. С. 227.
- ⁵² *Юхаси Сигэто.* Сэндзи ниссо косё сёси. 1941–1945 (Краткая история японо-советских переговоров в годы войны. 1941–1945). Токио, 1974. С. 142–143.
- ⁵³ *Рахманин О. Б.* Об истории отношений России — СССР с Китаем в XX веке. М., 2002. С. 13.
- ⁵⁴ Освободительная миссия советских Вооруженных сил во Второй мировой войне. М., 1974. С. 425.
- ⁵⁵ История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 406–407.
- ⁵⁶ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 11. С. 262–263; *Борисов О. Б.* Советский Союз и Маньчжурская революционная база. 1945–1949. М., 1977. С. 140.
- ⁵⁷ См.: *Зимонин В. П.* Эволюция военной доктрины Страны восходящего солнца. М., 1993. С. 85–86.
- ⁵⁸ Внешняя политика Советского Союза. Т. 1. М., 1947. С. 375.
- ⁵⁹ Там же. С. 376.
- ⁶⁰ Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968. С. 137–142.
- ⁶¹ *Борисов О. Б.* Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах (к дискуссии в КНР о Мао Цзэдуне). М., 1981. С. 181.
- ⁶² *Юрьев М. Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа. 20–40-е годы. М., 1983. С. 268.
- ⁶³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. С. 111–112.

- ⁶⁴ *Ким Ир Сен*. Торжество идей Великого Октября. М., 1960. С. 9.
- ⁶⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 131.
- ⁶⁶ *Курбанов С. О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009. С. 398.
- ⁶⁷ *Иванов В. И.* В тылах Квантунской армии. Правда о 88-й китайско-корейской бригаде Дальневосточного фронта. М., 2009. С. 117–118.
- ⁶⁸ История Кореи (Новое прочтение) / Под. ред. А. В. Торкунова. М., 2003. С. 337.
- ⁶⁹ Там же. С. 338.
- ⁷⁰ *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. М., 2004. С. 305.
- ⁷¹ *Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина. М., 2012. С. 306.
- ⁷² *Петухов В. И.* У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М., 1987. С. 11.
- ⁷³ *Курбанов С. О.* История Кореи: с древности до начала XXI в. С. 398.
- ⁷⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. С. 111–112.
- ⁷⁵ *Leahy W.* I was there: The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman. L., 1950. P. 373.
- ⁷⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. С. 111–112.
- ⁷⁷ От холодной войны к трехстороннему сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М., 1993. С. 139.
- ⁷⁸ *Churchill W.* The Second World War: Triumph and Tragedy. Vol. 6. P. 391.
- ⁷⁹ *Мальков В. Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 545.
- ⁸⁰ Цит. по: Вторая мировая война. Книга первая. Общие проблемы. М., 1966. С. 33.
- ⁸¹ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1958. Т. 1. С. 260.
- ⁸² *Якушевский А. С.* Правде вопреки. Киев, 1981. С. 88.
- ⁸³ Критика основных концепций буржуазной историографии Второй мировой войны. М., 1983. С. 116.
- ⁸⁴ Pittsburgh Post-Gazette. 1945. May 8. P. 24.
- ⁸⁵ Florence Daily Times. 1945. May 2. P. 5.
- ⁸⁶ Lewiston Daily Sun. 1945. May 2. P. 1.
- ⁸⁷ New York Times. 1945. 8 May. P. 1; Maryville Daily Forum. 1945. May 8. P. 1; Fresno Bee Republican. 1945. May 9. P. 1; New York Herald Tribune. 1945. May 9. P. 1; Pittsburgh Post-Gazette. 1945. May 9. P. 1.
- ⁸⁸ Evening Independent. 1945. August 8. P. 1; Pittsburgh Press. 1945. August 8. P. 1; Oxnard Press-Courier. 1945. August 8. P. 1; Free Lance-Star. 1945. August 8. P. 1; Windsor Daily Sun. 1945. August 8. P. 1; Toronto Daily Sun. 1945. August 8. P. 1.
- ⁸⁹ *Буранок С. О.* Победа над Японией в оценках американского общества. Самара, 2012. С. 69, 73–76.
- ⁹⁰ The Effects of Atomic Bombs on Hiroshima and Nagasaki. United States Strategic Bombing Survey. Wash., 1946; *Hasegawa T.* The End of the Pacific War. Stanford, 2007. P. 221–224. *Зимонин В. П.* Принуждение Японии к миру // Партитура Второй мировой: Гроза на Востоке. М., 2010. С. 289–290.
- ⁹¹ The Japanese Navy in World War II. With an Introduction and Commentary by Raymond G. O'Connor. Annapolis, 1969; The Rising Sun: The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936–1945. N. Y., 1970; The Second World War: A Complete History. Rev. ed. N. Y., 1991; The War in the Far East, 1941–1945: A Military History. N. Y., 1969.
- ⁹² In: *Nye J.* The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N. Y., 2002.
- ⁹³ *Рузвельт Ф.* Беседы у камина. М., 2003. С. 215.
- ⁹⁴ *Дуриу R.* World War II. A Compact History. N. Y., 1969. P. VII; The Effects of Atomic Bombs on Hiroshima and Nagasaki. United States Strategic Bombing Survey. Wash., 1946; *Hopkins W.* The Pacific War: The Strategy, Politics, and Players That Won the War. N. Y., 2009. P. 332; *Marston D.* The Pacific War Companion: From Pearl Harbor to Hiroshima. L., 2007. P. 234; *Wiest A. A., Mattson G. L.* The Pacific War: Campaigns of World War II. N. Y., 2001. P. 245.

- ⁹⁵ *Prange G.* The Untold Story of Pearl Harbor // Reader's Digest. 1972. December. P. XV.
- ⁹⁶ Идеологическая борьба по основным проблемам истории Второй мировой войны // Научн. анал. обзор ИНИОН РАН. М., 1986. С. 25.
- ⁹⁷ *Buchanan R.* The United States and World War II. Vol. I. N. Y., 1964. P. XV.
- ⁹⁸ *Howe Q.* Ashes of Victory. World War II and its Aftermath. N. Y., 1972. P. 274.
- ⁹⁹ Подробнее см.: *American Military History 1607–1958.* Wash., 1989; *Asada S.* From Mahan to Pearl Harbor: the Imperial Japanese Navy and the United States. Annapolis, 2006; *Cole W.* Roosevelt and Isolationists: 1932–1945. Lincoln, 1983; *Costello J.* Days of Infamy: MacArthur, Roosevelt, Churchill, the Shocking Truth Revealed: How Their Secret Deals and Strategic Blunders Caused Disasters at Pearl Harbor and the Philippines. N. Y., 1994; *Dallek R.* Fr. D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. N. Y., 1979; *Fies H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. Princeton, 1957; *Jonas M.* Isolationism in America 1935–1941. N. Y., 1966; *Schneider J.* World War II. N. Y., 2003.
- ¹⁰⁰ *Shenton J. and others.* These United States. Atlanta, 1978. P. 554, etc.; Let's Review: U. S. History and Government / John McGeehan, M. A., J. D. and Morris Gall, Ph. D. 4-th Edition. N. Y., 2009. P. 380.
- ¹⁰¹ Summary of War Production in the United States 1940–1945. Wash., 1945. P. 2.
- ¹⁰² In: *Schneider J.* World War II; *Progue F.* George C. Marshall: Ordeal and Hope 1939–1942. N. Y., 1960; *Worth R.* Battle That Change The World: Midway. N. Y., 2002; *Bicheno H.* Midway. N. Y., 2004; *Kernan A.* The Unknown Battle of Midway: the Destruction of the American Torpedo Squadrons. New Haven, 2005; *Isom D. W.* Midway Inquest: Why the Japanese Lost the Battle of Midway. Bloomington, 2007; *Grove P.* Midway 1942. Dulles, 2007; *Stille M.* Midway 1942. L., 2010; *Horner D.* The Second World War: The Pacific. Oxford, 2002.
- ¹⁰³ Цит. по: *Луддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., 1976. С. 485; *Морисон С. Э.* Американский флот во Второй мировой войне. В 2-х ч. Екатеринбург, 1998. Ч. 2. С. 10.
- ¹⁰⁴ In: *Baldwin H.* Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. N. Y., 1966.
- ¹⁰⁵ In: *Carmichael T.* The Ninety Days: Five Battles That Changed the World. N. Y., 1971.
- ¹⁰⁶ *Alexander J. H.* Edson's Raiders: The 1-st Marine Raider Battalion in World War II. Annapolis, 2000. P. 70–73; *Zimmerman J.* The Guadalcanal Campaign. Marines in World War II Historical Monograph. Wash., 1949. P. 165–166.
- ¹⁰⁷ In: *Maule H.* The Great Battles of WWII. Chicago, 1973; *Wykes A.* 1942: The Turning Point. L., 1972, etc.
- ¹⁰⁸ *Beitzell R.* The Uneasy Alliance: America, Britain and Russia, 1941–1943. N. Y., 1972. P. 65–66; History of the Second World War. The Mediterranean and Middle East. Volume IV: The Destruction of the Axis Forces in Africa. L., 2004. P. 460; *Mead R.* Churchill's Lions: A Biographical Guide to the Key British Generals of World War II. L., 2007. P. 44.
- ¹⁰⁹ Видный английский историк А. Тейлор, возражая против этого, писал: «Союзники взяли в плен 130 тыс. человек, но впоследствии это число было раздуто до четверти миллиона» (*Taylor L.* The Second World War. P. 188).
- ¹¹⁰ *American Military History.* P. 439.
- ¹¹¹ *Далл П.* Боевой путь Императорского японского флота. Екатеринбург, 1997 // (Электронный ресурс). URL: <http://militera.lib.ru/h/dull/index.html>.
- ¹¹² *Van der Vat D.* The Pacific Campaign: World War II, the U. S. Japanese Naval War, 1941–1945. N. Y., 1991. P. 204.
- ¹¹³ *Prange G.* Miracle at Midway // Reader's Digest. December 1972. P. 156.
- ¹¹⁴ *Морисон С. Э.* Коралловое море, Мидуэй и действия подводных лодок: весна — лето 1942 г. М., СПб., 2003. С. 231.
- ¹¹⁵ *Поттер Э.* Адмирал Нимиц. СПб., М., 2003. С. 188.
- ¹¹⁶ *Луддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., СПб., 2002. С. 385.
- ¹¹⁷ *Буранок С. О.* Сражение за Мидуэй и американское общество. Самара, 2011. С. 89–120.
- ¹¹⁸ *Matloff M., Snell E.* Strategic Planning for Coalition Warfare 1941–1942. Wash., 1990. P. 6; Navy Court of Inquiry Proceedings // Pearl Harbor Attack. Pt., 33. Wash., 1946. P. 926–930; *Progue F.* George C. Marshall: Ordeal and Hope 1939–1942. N. Y., 1960. P. 124–127.
- ¹¹⁹ Важнейшие решения. М., 1964. С. 68–69, 73.
- ¹²⁰ *Progue F.* George C. Marshall: Ordeal and Hope 1939–1942. P. 124–127; *Levine A. J.* Japanese Naval Operations. Westport, 1995. P. 18–28.

¹²¹ *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. / Пер. с англ. М., 1955. С. 114–124; *Coakley R., Leighton R.* Global Logistics and Strategy. 1943–1945. P. 272; *Greenfield K.* American Strategy: in World War II: A Re-consideration. Baltimore, 1963. P. 14.

¹²² *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда» / Пер. с англ. М., 1964. С. 42; *Gaddis J.* Russia, the Soviet Union and the United States: An Interpretive History. N. Y., 1978. P. 154–155; *Dallek R.* Franklin Roosevelt and World War II. N. Y., 1978, P. 534; *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War Waged and the Peace They Thought. Princeton, 1957. P. 57.

¹²³ *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия. Июль 1941 — август 1942 г. М., 1967. С. 506.

¹²⁴ American Military History. P. 439–440, 466.

¹²⁵ American Historical Review. 1970. Vol. 75. No. 7. P. 1901.

¹²⁶ *Baldwin H.* The Crucial Years 1939–1941. N. Y., 1976. P. 320.

¹²⁷ *Barr N.* Pendulum of War: The Three Battles of El Alamein. N. Y., 2005. P. 276, 301–305; History of the Second World War. The Mediterranean and Middle East. Volume IV: The Destruction of the Axis Forces in Africa. L., 2004. P. 29–30.

¹²⁸ *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. М., 1980. С. 158.

¹²⁹ *Якушевский А. С.* Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941–1991). М., 1997. С. 35–36.

¹³⁰ Идеологическая борьба по основным проблемам истории Второй мировой войны. С. 27.

¹³¹ *Якушевский А. С.* Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941–1991). С. 38.

¹³² *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. В III т. М., 1958. Т. III. С. 227; Official History of the Canadian Army in the Second World War. Vol. 3. The Victory Campaign. The Operations in North-West Europe, 1944–1945. Ottawa, 1966. P. 184–185; *Jackson G.* 8 Corps: Normandy to the Baltic. Smalldale, 2006. P. 113–114; *Zaloga S.* Operation Cobra 1944: Breakout from Normandy. L., 2001. P. 30.

¹³³ КТВ/ОКВ. Frankfurt a/M., 1961. Bd. 4. Halbband 2. S. 1509–1511.

¹³⁴ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 9. М., 1978. С. 531.

¹³⁵ КТВ/ОКВ. Bd. 4. Halbband 2. S. 1575.

¹³⁶ The Russian Front. Germany's War in the East. L., Melbourne, 1978. P. 155.

¹³⁷ *Isserman M.* World War II. N. Y., 2009. P. 47.

¹³⁸ World War Two / Ed. by W. L. Hosch. N. Y., 2009. P. 108–109.

¹³⁹ *Anderson D., Clark L., Walsh S.* The Eastern Front: The Campaigns of World War II. Norwalk, 2001. P. 126–130; 157–161; *Tsouras P.* The Great Patriotic War. Barnsley, 1992. P. 80–89; *Crawford S.* The Eastern Front Day by Day 1941–1945. N. Y., 2006. P. 101–109.

¹⁴⁰ *Duiker W.* Contemporary World History. L., 2009. P. 128; *Axworthy M.* Third Axis Fourth Ally. Arms and Armour. L., 1995. P. 216; *Overy R.* Russia's War: A History of the Soviet Effort: 1941–1945. N. Y., 1998. P. 155; *Gellately R.* Lenin, Stalin, and Hitler: The Age of Social Catastrophe. Knopf, 2007. P. 391; *Bishop C.* The Campaigns of World War II Day-by-Day. L., 2007. P. 240–245. *Overy R.* The Dictators: Hitler's Germany and Stalin's Russia. N. Y., 2007. P. 495–499.

¹⁴¹ См.: *Weeks A. L.* Russia's Life-Saver: Lend-Lease Aid to the U. S. S. R. in World War II. Lanham, 2004; *Black C.* Franklin Delano Roosevelt, Champion of Freedom. N. Y., 2003; *Buchanan P.* Churchill, Hitler and the Unnecessary War. N. Y., 2008.

¹⁴² *Kemp P.* Convoy: Drama in Arctic Waters. Minneapolis, 2004. P. 233–236; *Overy R.* Russia's War: A History of the Soviet Effort: 1941–1945. P. 155–156; The Campaigns of World War II Day-by-Day. L., 2007. P. 244–245; *Glantz D.* The Soviet German War 1941–1945: Myths and Realities: A Survey Essay. Clemson, 2001. P. 106.

¹⁴³ *Glantz D.* The Soviet German War 1941–45: Myths and Realities. P. 106.

¹⁴⁴ Time. 2008. May 23.

¹⁴⁵ Bulletin of History. 1949. No. 143. P. 30.

¹⁴⁶ *Борковский М.* Мидуэй / Пер. с польск. М., 2002.

¹⁴⁷ In: Relations with China. Reference to the Period 1944–1945. Wash., 1949. P. VIII; *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 619; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N. Y., 1974. P. 536–537, 545; Command Decisions / Ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. Wash., 1987. P. 501, 504.

- ¹⁴⁸ *MacArthur D. Reminiscences.* N. Y., 1965. P. 260–261.
- ¹⁴⁹ *Action E. Russia the Present and the Past.* L., N. Y., 1986. P. 252.
- ¹⁵⁰ *Dupuy R., Dupuy T. The Encyclopedia of Military History from 3500 B. C. to the Present (Second Revised Edition).* N. Y., 1986. P. 1188.
- ¹⁵¹ *The Japan Times.* 1984. August 15.
- ¹⁵² In: *Japan Echo.* 1984. No. 11.
- ¹⁵³ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 11, 12; *Зимонин В. П.* Регион в огне: Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993 и др.
- ¹⁵⁴ *Spector R. Eagle Against the Sun: The American War with Japan.* N. Y., 1985.
- ¹⁵⁵ Например: *Dull P. A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945).* Annapolis (Maryland), 1979.
- ¹⁵⁶ *Blum G. From Morgenthau Diaries. Years of War 1941–1945.* Boston, 1967. P. 84–85; *Dull P. A Battle History.* P. 145–146.
- ¹⁵⁷ *Maule H. The Great Battles of the World War II.* L., N. Y., Sydney, Toronto, 1975. P. 195; *Dull P. A Battle History.* P. 145, 166.
- ¹⁵⁸ *Борковский М.* Мидуэй. С. 3–4, 146.
- ¹⁵⁹ *Dull P. A Battle History.* P. 340.
- ¹⁶⁰ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистические исследования. М., 1993. С. 182; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2010. С. 115.
- ¹⁶¹ *Шерман Ф.* Американские авианосцы в войне на Тихом океане / Пер. с англ. М., 1956. С. 122.
- ¹⁶² *The President's War Addresses to People and the Congress of the USA.* Wash., 1945. P. 51.
- ¹⁶³ *Martin B. Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg: Vom Angriff auf Pearl Harbor bis zur deutschen Kapitulation.* Göttingen ets. 1969. S. 61.
- ¹⁶⁴ *Ледовский А. М.* Китайская политика США и советская дипломатия. 1942–1957. М., 1985. С. 4, 6, 7.
- ¹⁶⁵ Жэньминь жибао. 1985. 31 августа.
- ¹⁶⁶ *Чжу Гуйшэн, Ван Чжэньдэ, Чжан Чуньнань.* Диэрцы шицзе дачжань ши (История Второй мировой войны). Пекин, 1982. С. 356.
- ¹⁶⁷ Там же; *Чжан Цзипин и др.* Диэрцы шицзе дачжань ши (История Второй мировой войны). Ланьчжоу, 1984. С. 62.
- ¹⁶⁸ *Хуан Юйчжан и др.* Диэрцы шицзе дачжань. 1939–1945 (Вторая мировая война. 1939–1945). Пекин, 1984. С. 523.
- ¹⁶⁹ Шицзе лиши. 1980. № 4. С. 5–13.
- ¹⁷⁰ *Чжу Гуйшэн, Ван Чжэньдэ, Чжан Чуньнань.* Диэрцы шидзе дачжань ши. С. 278–279; Шицзе лиши. 1985. № 18. С. 10–12; *Beijing Review.* 1985. No. 18; Жэньминь жибао. 1985. 31 августа.
- ¹⁷¹ *Command Decisions.* P. 510; *Dull P. A Battle History.* P. 342.
- ¹⁷² *Churchill W. The Second World War: Triumph and Tragedy.* Vol. 6. P. 552.
- ¹⁷³ Аргументы и факты. 2012. № 36. С. 17.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Цит. по: *Чжу Гуйшэн, Ван Чжэньдэ, Чжан Чуньнань.* Диэрцы шицзе дачжань ши. С. 702.
- ¹⁷⁶ *Kirby S. War Against Japan.* Vol. 1–5. L., 1957–1970. Vol. 5. P. 207–208, 434.
- ¹⁷⁷ *Мальков В. Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. С. 508.
- ¹⁷⁸ История войны на Тихом океане / Пер. с япон. В 5-ти т. Т. 4. М., 1958. С. 205–206.
- ¹⁷⁹ *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Шебенков Ю. М.* Победа на Востоке: к 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. С. 13.
- ¹⁸⁰ *Command Decisions.* P. 511.
- ¹⁸¹ *Ibid.* P. 512.
- ¹⁸² *Мальков В. Л.* Дебютная стадия атомной партии: что мы знаем и что нам предстоит узнать // Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 42–43.
- ¹⁸³ *Truman H. Memoirs.* Vol. 1. P. 411.
- ¹⁸⁴ *Command Decisions.* P. 508, 513.
- ¹⁸⁵ *Мальков В. Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. С. 519.

¹⁸⁶ Command Decisions. P. 514; *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. P. 420.

¹⁸⁷ Command Decisions. P. 509–510.

¹⁸⁸ Ibid. P. 509.

¹⁸⁹ Ibid. P. 510.

¹⁹⁰ *Cline R.* Washington Command Post: The Operations Division, United States Army in World War II. Wash., 1957. P. 345.

¹⁹¹ In: *The Japan Times*. 1984. August 15.

¹⁹² Цит. по: *Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии / Пер. с япон. М., 1955. С. 263–264.

¹⁹³ Правда. 1945. 11 августа.

¹⁹⁴ Цит. по: *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993. С. 298.

¹⁹⁵ См. подробнее: *Ржешевский О. А.* // Новая и новейшая история. 1999. № 3; *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 656–666; *Daily Herald*. 1954. November 24.

Король Румынии Михай I Гогенцоллерн, разорвавший военный союз с нацистской Германией и объявивший ей войну на стороне Антигитлеровской коалиции. Награжден орденом Победы

Чрезвычайный и полномочный посол России в Румынии А. А. Чурилин, генерал армии М. А. Гареев и генерал-майор В. А. Золотарев во время церемонии вручения экс-королю Румынии Михаю I высшей награды Российской академии естественных наук.
г. Бухарест, декабрь 2009 г.

Ветераны боев в Северной Норвегии советский артиллерист Виктор Владимирович Кукушкин (в центре) и участники Сопrotивления норвежцы Гуннар Эйкли (слева) и Эгиль Гамре с представителями трех видов вооруженных сил Норвегии у могилы Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Октябрь 2012 г.

Встреча ветеранов эскадрильи «Нормандия-Неман». 2012 г.

Российские и китайские ветераны войны с Японией в музее Мемориала павшим в боях на китайской земле воинам. г. Порт-Артур (г. Люйшунь), сентябрь 2010 г.

Председатель Российского комитета ветеранов войны и Вооруженных сил М. А. Моисеев вручает памятные медали российским и китайским ветеранам войны с Японией. г. Пекин, сентябрь 2010 г.

Международная конференция, посвященная 65-й годовщине окончания Второй мировой войны. г. Южно-Сахалинск, 2 сентября 2010 г.

Академик РАН А. О. Чубарьян открывает Международную научную конференцию, посвященную истории Великой Отечественной войны и ее влиянию на судьбы мира, справа от него — участник Великой Отечественной войны и войны с Японией генерал армии М. А. Гареев, американский и ирландский профессора У. Кимболл и Дж. Робертс. г. Москва, 21 февраля 2013 г.